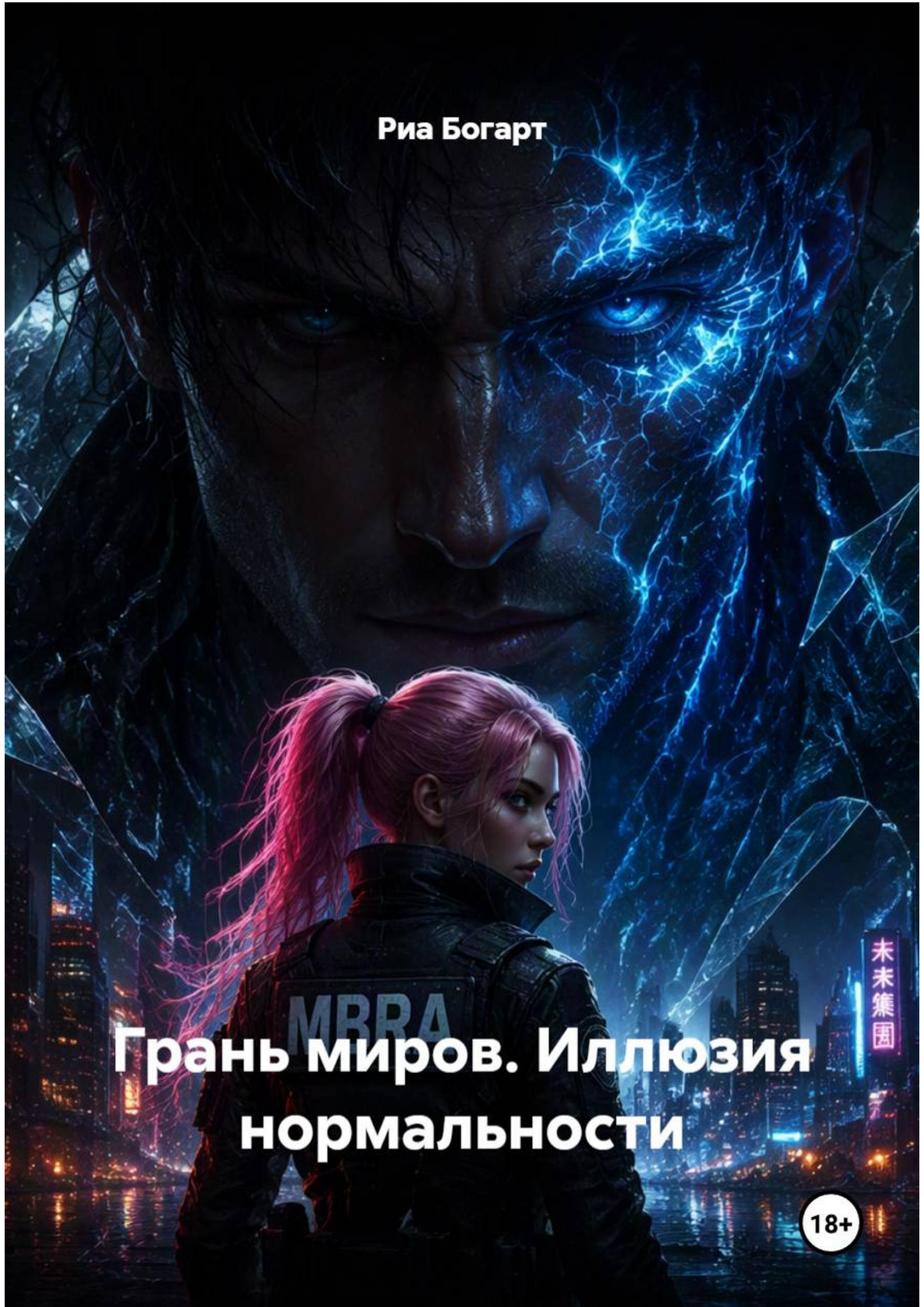

Риа Богарт

**Грань миров. Иллюзия
нормальности**

18+

Риа Богарт

**Грань миров. Иллюзия
нормальности**

«Автор»

2026

Богарт Р.

Грань миров. Иллюзия нормальности / Р. Богарт — «Автор», 2026

Для обычных людей пришлые из других миров стали рутиной. Чужаки варят им кофе у метро и стоят в тех же очередях. Но для спецарента МБРА Анабэт Моус они — леденящий кошмар. Двадцать лет назад монстр убил её мать, и теперь Бэт — холодный боевой клинок. Она выжигает аномалии в обход любых правил, а её сумасшедший темп не выдерживает ни один напарник. Пока в Особый отдел не переводят Дэвида Стрэнта. Два метра жесткой военной собранности и невыносимо пронзительные синие глаза. Он ловит её ритм на лету, закрывает под пулями и исчезает в тени вопреки законам физики. Между ними искрит так, что воздух можно резать ножом. Когда ритуальное убийство потрясает мегаполис, напарники выходят на след кукловода по имени Дар. В этой психологической войне враг всегда на шаг вперёд, стирая из реальности целые здания. Но самая пугающая загадка ждёт Бэт не в архивах Бюро. Чтобы докопаться до правды, ей придётся сорвать маски и заглянуть в бездну, где чувства опаснее иномирного оружия.

© Богарт Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Иллюзия	5
Жатва	14
В ритме пятидесятих	20
Разлом в Асуане	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Грань миров. Иллюзия нормальности

Иллюзия

По крыше неумолимо барабанил дождь. Его глухой и настойчивый ритм звучал как тревожный набат, и от этого шума по спине бежали мурашки. Ночь уже не укрывала дом ласковым покровом, она притаилась в каждом углу, как дикий зверь перед броском. Каждый случайный шорох заставлял замирать, ловя обрывки тишины между ударами капель.

Анабэт Моус, которой едва исполнилось десять, вслушивалась в этот пугающий гул, и в нём больше не было тепла маминых сказок и привычного домашнего уюта. А сквозь шум ливня проскальзывали странные обрывки чужих голосов. Малышке казалось, что кто-то шептал прямо над ухом, едва касаясь кожи своим леденящим дыханием. Но Бэт была не из тех, кто прячется, она всегда шла навстречу тьме, чтобы силой вырвать из её лап тайны.

Тихо соскочив с кровати, она направилась к лестнице. Каждое движение давалось ей с большим трудом. Старые половицы предательски скрипели под ногами, пытаясь удержать её в комнате или предупредить об опасности, которая поджидала внизу. Несмотря на страх, Бэт медленно спускалась в полумрак. Оказавшись у самого подножия лестницы, она вгляделась во тьму прихожей и заметила, что входная дверь приоткрыта.

Бэт осторожно подошла к ней и выглянула в щель — от увиденного весь мир вокруг неё перевернулся. На мокрой земле лежала её мать, тело было неподвижно, а лицо спокойно, но в этой пугающей позе не было ни капли умиротворения, лишь окончательная тишина, от которой стыла кровь.

Над её телом склонился незнакомец. Он стоял на коленях, а в свете уличного фонаря его черты расплывались так, что никак не получалось рассмотреть лицо. Но истинный страх вызывала его кожа, по которой изгибались тонкие линии, вспыхивающие голубоватым светом, как если бы внутри текли холодные ручьи из далёкого мира. Он застыл, а затем обернулся — так неторопливо, что у Бэт перехватило дыхание, а собственное сердце застучало слишком громко. Мужчина поднял голову, и его взгляд скользнул по девочке. Сапфирово-синий, чужой и острый, как лезвие, едва касающееся кожи. Но Бэт не отступила — она вцепилась в дверной косяк, заставляя себя смотреть в ответ. Девочка заметила, что в его глазах есть что-то ещё, похожее на глубокую печаль: ей показалось, он сам был не рад произошедшему.

Затем Бэт на секунду зажмурилась, а когда открыла глаза, на месте матери и незнакомца уже никого не было. Перед ней был лишь пустой двор, в котором ещё звучало эхо чего-то непоправимого.

Проснувшись в холодном поту, она резко села на постели. Провела дрожащими руками по лицу, пытаясь стереть не просто влагу, а горькое послевкусие кошмара. Это воспоминание преследовало её уже двадцать лет. Казалось, что кто-то невидимый раз за разом прокручивал перед ней одну и ту же мрачную картинку, которая въедалась в память точно кислота, оставляя всё более глубокие шрамы. Иногда девушка думала, что стоит лишь пристальнее вглядеться в детали — и мозаика сложится сама собой, но истина всякий раз ускользала, оставляя лишь тягостный привкус от этой тайны, которую никак не удавалось разгадать.

— Тебе опять приснился этот сон? — тихо спросил Адам и приподнялся на локте. В тусклом свете луны его лицо казалось усталым, но в глазах читалась молчаливая забота.

Он знал, что для Бэт этот кошмар — не просто игра воображения, а единственная ниточка, способная привести к истине.

— Думаю, он будет сниться мне до тех пор, пока я не найду ответы, — прошептала она, уставившись в темноту и надеясь разглядеть в ней хоть какой-нибудь намёк.

Девушка откинула край одеяла и поднялась. Босые ступни коснулись прохладного пола.

— Ты куда? — сонно пробормотал он.

— Поработаю над делом. Всё равно уже не уснуть, — тихо ответила Бэт.

Она взяла телефон. На экране мигало 3:47 — и несколько пропущенных от подруги. Бэт удивлённо хмыкнула:

— Странно, Китти мне пять раз звонила. А я даже не слышала...

Адам хихикнул в ответ:

— Ещё бы ты услышала, учитывая, что мы тут вытворяли...

Бэт улыбнулась, вспоминая горячий вечер. Мужчина, сославшись на то, что они оба уже не спят, принялся убеждать её, что нет никакого смысла в тысячный раз просматривать старые криминалистические отчёты о смерти матери. Он снова притянул девушку к себе, увлекая в любовную игру. Согласившись с его доводами, Бэт вернулась в постель. Забравшись на него сверху, она начала медленно стягивать с Адама одежду.

Время растворилось в горячих поцелуях и страстных объятиях, а за окном незаметно посветлело. Их прервал лишь настойчивый сигнал будильника, возвращая в реальный мир. Со вздохом оторвавшись от нежных губ бывшего мужа, Бэт приняла горячий душ, выпила чашку кофе и, быстро собравшись, вышла на улицу. Пора было отправляться на службу, где её ждали тайны посерьёзнее домашних призраков и ночных кошмаров.

После затяжного ливня летний день выдался сырым и промозглым. По дороге к офису Бэт как обычно миновала Центральную площадь, посреди которой возвышался Монумент Памяти жертв Первого Разлома. Огромная стела из чёрного гранита, расколота надвое ровной полосой из матового стекла, напоминала о том дне, когда ткань бытия разошлась по швам. Это произошло чуть больше двадцати лет назад, в Нью-Йорке. Именно тогда на Землю стали проникать существа из других измерений, которых в народе быстро окрестили пришлыми. У подножия памятника, на плитах с именами погибших, горел вечный синий огонь — символ чужой, пугающей энергии.

Бэт служила в Международном бюро по регулированию аномалий — автономном ведомстве, созданном как раз после тех событий. МБРА работало в тесной связке с международными спецслужбами, но обладало особым статусом: оперативные группы вылетали в любую точку земного шара по первому сигналу, минуя стандартную бюрократию. Её отдел брался только за дела, где тянулся след чужаков — за случаи, в которых привычные правила больше не работали.

А случаев было много. За прошедшие годы в человеческий мир перешло столько существ, что их интеграция стала рутиной: одни мало чем отличались от людей, другие напоминали выходцев из самых жутких или прекрасных фантазий. После прибытия пришлого Бюро помещало его на карантин, проверяло на безопасность для общества, а затем постепенно вводило в земную жизнь.

Большинство смирилось и отлично адаптировалось. Бэт видела это каждое утро: парень в кофейном ларьке у метро, женщина в булочной — невысокая, с розовой кожей и большими глазами. Чужаки жили и работали бок о бок с обычными людьми, ходили по тем же улицам и стояли в тех же очередях.

Среди них была и Китти, самая близкая подруга Бэт. С виду она мало чем отличалась от обычного человека: те же пропорции, тот же живой блеск в глазах изумрудно-зелёного цвета. И всё же в её пластике проскальзывало что-то неуловимо кошачье — словно сама природа добавила к человеческому облику несколько тонких штрихов, напоминая, что перед вами не совсем обычная девушка.

Черты лица Китти были слегка заострёнными, словно очерченными тонкой кистью, а над лбом торчали аккуратные ушки — чуткие, способные уловить даже шёпот ветра.

Бэт приехала на работу и спустилась на лифте в самое сердце МБРА. Офис бюро располагался в подземном бункере — многоэтажный комплекс, уходивший глубоко под землю, с

тюрьмами для пришлых-нарушителей, стерильными медотсеками и передовыми лабораториями. Всё как обычно.

Едва выйдя из лифта на своём этаже, Бэт заметила начальника, который уже поджидал её у дверей. Рядом с ним стоял высокий темноволосый мужчина с лёгкой небритостью на лице. Его глаза поражали пронзительной синевой, а в осанке чувствовалась жёсткая военная собранность.

— Анабэт, знакомься, — шеф кивнул в сторону незнакомца, когда она подошла ближе. — Это твой новый напарник, Дэвид Стрэнт. Познакомь его с командой и введи в курс текущих дел.

Пятый за несколько месяцев. После смерти Энтони — человека, с которым она делила эту одержимость долгие пять лет, с самого первого дня в Бюро — Бэт словно утратила контроль. Охота на страшных тварей, чей облик напоминал выходцев из фильмов ужасов, была занятием для фанатиков, и Бэт отдавалась ей со слепой страстью. Её новый темп стал для новичков непосильным: они сбегали ещё до обеда. Она упрямо шла напролом, хотя прекрасно знала, что в их ремесле надёжный напарник — не только страховка от смерти, но и крепкое плечо, способное удержать от безумия, когда вокруг царит хаос.

Бэт повернулась к нему, собираясь поприветствовать нового коллегу, но слова вдруг застряли в горле. Взгляд этих глаз, пронзительно-синих, заставил её замереть. Что-то в этом цвете шевельнулось на самом дне памяти — знакомое, но неуловимое, как обрывок сна, который не удаётся схватить после пробуждения. Бэт чувствовала, как погружается в эту синеву, точно в загадочный и бездонный океан. Она протянула руку — и только тогда поняла, что смотрела слишком долго. Улыбнулась:

— Здравствуй, Дэвид. Добро пожаловать в наш отдел.

Дэвид ответил крепким рукопожатием, и от этого мимолётного касания по телу побежало тепло — странное, знакомое, словно она уже держала эту руку раньше. Его взгляд оставался спокойным — казалось, он и не заметил её секундного замешательства.

— Здравствуйте, Анабэт.

Девушка мягко поправила:

— Просто Бэт. Полным именем меня почти никто не зовёт.

— Хорошо, Бэт. Меня уже слегка просветили насчёт специфики вашей работы, так что готов приступить немедленно.

Они прошли в кабинет. Помещение было довольно большим: одну его часть занимали рабочие столы и продвинутое оборудование, другая была отведена Джозефу и Кевину для их изобретательской деятельности, а в глубине уютно расположилась зона отдыха с мягким диваном, холодильником и кофемашиной.

Бэт принялась знакомить новичка с коллективом. Она кивнула на стол, заваленный всякими датчиками, полуразобранными приборами и деталями:

— Это Кевин, наш полевой медик, вроде как. Впрочем, он у нас мастер на все руки. Они с Джозефом постоянно придумывают новые инструменты и модифицируют снаряжение, чтобы мы на выездах могли хоть как-то противостоять созданиям из чужого мира. Ну а ещё он свято верит, что главный юморист отдела. Правда, смеётся над его шутками только он сам.

Из-за ближайшего монитора вынырнул молодой азиат. Оценив новичка быстрым взглядом, он задорно подмигнул:

— Привет. Добро пожаловать в наш дурдом. Надеюсь, ты продержишься дольше, чем прошлые напарники Бэт. Они-то сбегали ещё до обеда.

Бэт наградила коллегу убийственным взглядом, а Дэвид не стал игнорировать вызов. Он подошёл к столу парня и протянул руку для приветствия:

— Боюсь, что я в вашем дурдоме надолго. Так что привыкайте, — спокойно ответил он, прямо встретив взгляд парня.

Кевин на секунду завис, явно не ожидая такой холодной уверенности, а затем коротко рассмеялся, принимая подачу:

— Молодец! Бэт, мне он уже нравится.

Девушка иронично кивнула и повела Дэвида к рабочему месту напротив, где у огромной настенной карты, испещрённой метками, сидел Джозеф — старший аналитик.

Пожилой темнокожий мужчина изучал их взглядом, в котором читалась многолетняя усталость и редкая, почти хищная пронизательность. Каждая отметка за его спиной означала Разлом. За двадцать лет на всей планете их образовалось ровно сорок — сорок кровотокающих трещин в земном бытии, за которыми непрерывно следили спецслужбы разных стран.

Дэвид подошёл ближе. Джозеф крепко пожал ему руку и произнёс:

— Добро пожаловать, Дэвид.

Он чуть прищурился, переводя взгляд с новичка на Бэт, и добавил:

— Готовься. За этой девчонкой тяжело угнаться.

Дэвид сдержанно улыбнулся и с интересом покосился на напарницу. Со стороны она меньше всего походила на грозу монстров. Невысокая, хрупкая, голубоглазая девушка со светлыми волосами, она казалась юным стажёром, а не ветераном схваток с пришлыми.

Едва они успели поприветствовать новенького, как в кабинет скользнула Эмили, молодая и эффектная секретарша шефа. Она двигалась с кокетливой томностью, зная, что все взгляды тут же будут прикованы к ней.

Серьёзность её появления выдавала лишь папка, крепко зажатая в ухоженных руках, — тихий предвестник очередного расследования.

Эмили опустила документы на стол чуть громче, чем требовалось, и, не отрывая взгляда от симпатичного парня, слегка склонила голову набок. Оценивала, выдержит ли он здешний водоворот, — и одновременно давала понять, что Дэвид ей приглянулся. Затем так же плавно вышла.

На долю секунды в воздухе повис тонкий шлейф её духов. Он ненадолго перебил привычные для кабинета запахи архивной бумаги, крепкого кофе и медицинского антисептика — как фальшивая нота в давно знакомой мелодии.

В комнате воцарилась тишина. Папка лежала на столе — неприметная, скрывающая внутри очередную загадку. Дэвид покосился на неё, словно ожидая, что она сама откроется и выпустит наружу свои страшные тайны.

Бэт шагнула вперёд и взяла документы.

— Что там? — коротко спросила она, обращаясь скорее к пластиковой обложке, чем к кому-либо из присутствующих.

В её голосе не было нетерпения — только готовность принять новую задачу. Тонкие пальцы скользнули по шершавой поверхности, и, едва открыв дело, Бэт парализовало.казалось, ледяной вихрь ворвался в помещение, сковав каждую мышцу и каждый нерв. На первом же листе лежало фото её лучшей подруги Китти. Её нашли в детстве среди чужих тротуаров после очередного Разлома — крошечную, дрожавшую от холода. Пару учёных, работавших с дедушкой Бэт, отправили на выезд, и вместо лаборатории они забрали девочку к себе, подарив дом и любовь. С тех пор Бэт и Китти были неразлучны. Их дружба держалась на глубоком понимании, что быть «не таким, как все» — это не приговор, а просто другая дорога. И идти по ней куда легче, когда рядом есть верный друг.

А теперь на снимке, сделанном криминалистами, лежала та самая девочка, выросшая и ставшая для Бэт ближе сестры. Бэт цеплялась за детали, надеясь найти подвох, нелепую ошибку, увидеть чужое лицо под знакомой маской. Но нет — в этих чуть заострённых чертах безошибочно узнавалась её подруга. Та самая, что смеялась до слёз, когда было весело, или прятала дрожащие руки, когда было страшно, но всё равно шагала вперёд, потому что нельзя оставлять близких в беде.

Сердце замерло, а затем забилось тяжело и глухо, отдаваясь в ушах неровным стуком. Земля ушла из-под ног, и она чуть не упала, но Дэвид среагировал мгновенно — крепко перехватил её за локоть. Бэт мельком взглянула на напарника, взяла себя в руки и принялась читать сухие строки оперативного рапорта.

Местная полиция оцепила район, провела первичный осмотр территории и передала дело в МБРА. Записи гласили, что убитую нашли за клубом «Серая лиса», где Китти работала официанткой. Описание места преступления напоминало бойню и заставило бы содрогнуться даже бывалых сыщиков. Тело обнаружили в глухом переулке прямо за заведением — весь тупик превратился в ад: кирпичные стены были до самого верха забрызганы кровью, а под обмякшим трупом асфальт покрывала плотная, жуткая корка.

После изучения локации никто и не думал о человеческой жестокости или звериной ярости — сомнений не было: это работа опасного пришлого. На коже девушки остались глубокие борозды от когтей, а в ранах виднелись отметины от зубов. Из органов у жертвы отсутствовали только печень и сердце — их выгрызли прямо из тела. По периметру оцепленного переуллка валялись обрывки платья, разорванного в клочья и перемешанного с грязью и фрагментами плоти.

Пока Бэт вчитывалась в строки, перед её глазами то и дело вспыхивали картины воспоминаний о Китти. Все те мелочи, которые делали их дружбу такой крепкой.

В груди девушки разрасталась холодная пустота — как осколок льда, который невозможно вынуть, не изрезав себя ещё сильнее. Но рядом с этой болью крепло и другое чувство, яростное и не знающее компромиссов. Бэт подняла голову, затем обратилась к коллегам:

— Это не рядовое расследование. Это личное. И никто из нас не уйдёт домой, пока мы не найдём виновного.

Бэт вывела на большой экран фотографии криминалистов, и Кевин, до этого рассеянно крутивший в руках какой-то датчик, резко подался вперёд. Его задорная улыбка мгновенно исчезла, а лицо побледнело, когда взгляд медика скользнул по экрану.

— Боже... Бэт... — Его голос потерял всю прежнюю лёгкость. — Это же Китти. Мы только на прошлой неделе все вместе собирались, она говорила, что нашла новую работу. Радовалась хорошим чаевым...

Джозеф, поднявшись из своего кресла и подойдя ближе к экрану, вглядывался в страшные снимки. Он сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

— Какой ужас... Что за монстр сотворил это?..

А затем посмотрел на Бэт, аккуратно приобнял её за плечи и тихо произнёс:

— Держись, девочка. Я знаю, как вы были близки, и очень сочувствую твоей потере. Не сомневайся, мы всё перевернём, но найдём эту тварь.

Бэт поблагодарила коллег за поддержку, а затем коротко ввела всех в курс дела. В её голосе не было ноток истерики — она продолжала действовать с полным профессионализмом, чтобы довести это дело до конца, не отвлекаясь на эмоции.

После того как она рассказала все подробности, Бэт повернулась к Дэвиду и почти скомандовала:

— Так, едем в «Серую лису», осмотрим место преступления. Может, полицейские что-то упустили...

Они вышли из кабинета и направились на парковку. Спустя двадцать минут Бэт уже припарковалась на задворках «Серой лисы». На подходе к тупику за клубом в нос ударил тяжёлый запах ночного ливня, смешанного с металлическим привкусом запёкшейся крови, который оседал на языке и въедался в одежду. Даже сквозь полумрак было видно, что кирпичные стены до самого верха покрыты уродливыми потёками. Дождь смыл часть улики, но асфальт под ногами всё ещё отливал багровым глянцем. В лужах плавали грязные лоскуты ткани — то, что осталось от платья Китти после того, как разъярённая тварь добралась до её плоти.

Дэвид держался чуть позади, осматривая пространство: крыши соседних домов, пожарные лестницы и тёмные ниши. Его взгляд скользил по теням так, будто он искал то, что может прыгнуть сверху или подкрасться сзади, появиться там, где его совсем не ждут. Бэт тем временем осматривала мокрый асфальт, не пропуская ни трещины, ни крошки, ни едва заметного отпечатка. Её движения были точными и почти механическими. Неподаляку от места, где нашли тело, под ржавой решёткой ливневой канализации что-то блеснуло — тонкий и упрямый отсвет, который цеплялся за скупые лучи солнца, не желая раствориться в полумраке.

Полицейские, приехавшие на вызов, лишь мельком скользнули по этому углу и прошли мимо — посчитали обычным мусором, ещё одной безмолвной жертвой города. Но Бэт верила интуиции, потому что в её мире случайностей не существовало, а каждая мелочь могла стать ключом.

Она опустила на колено и вытащила находку, застрявшую между прутьев. Плотная бумага холодила пальцы — казалось, она впитала в себя ночной холод и страх того, кто её уронил. На поверхности виднелся хитрый, почти гипнотический орнамент — переплетение серебряных молний. А в центре карточки красовалось одно-единственное слово, вытисненное фольгой: «Иллюзия».

Оно мерцало в неровных бликах, неся в себе скрытое послание, которое манило заглянуть глубже. Бэт смотрела на него, и мороз неторопливо полз по её спине, стягивая лопатки в тугий узел. Предчувствие твердило, что это слово как-то связано со смертью подруги. Оставалось лишь понять, как именно. Бэт аккуратно спрятала карточку, решив пока заняться другими уликами.

После осмотра места преступления и первичного опроса сотрудников Бэт и Дэвид прошли внутрь заведения и засели за просмотр записей с камер видеонаблюдения. Около часа они всматривались в тусклые кадры. Самого момента нападения на плёнке не оказалось — будто ночь специально вычеркнула этот миг, спрятав его в слепой зоне камер.

Но вдруг Дэвид прищурился и ткнул пальцем в светящийся экран:

— Смотри. Вот он. Опять.

Бэт вцепилась пальцами в край стола и пристально вгляделась в дисплей: на всех записях Китти преследовал один и тот же субъект. Он скользил по границе света и тени, как оживший кошмар — неотступный, и вокруг него не замечали. Его взгляд был одержимым — лип к жертве даже через экран, намертво фиксируясь на ней. Мужчины всегда слетались на дикую грацию Китти, как на огонь. Но этого вела не похоть — в его взгляде была сосредоточенность хищника, а улыбка казалась восковым слепком. Бэт чувствовала, как внутри всё холодеет от отвращения.

Она щёлкнула мышкой и распечатала стоп-кадр. Снимок вышел размытым, но общие контуры оставались узнаваемыми. Бэт снова обошла персонал «Серой лисы», показывая распечатку. Бармены и официанты качали головами — никто не помнил этого человека.

После этого Бэт поехала в морг, чтобы забрать заключение вскрытия и в последний раз увидеть подругу. Дэвид хотел пойти с ней и уже взялся за ручку автомобильной двери, но девушка качнула головой:

— Останься здесь. Мне нужно побыть с ней наедине. Хоть минуту.

Дэвид чуть помедлил, глядя на неё, но затем понимающе кивнул и убрал руку:

— Я буду ждать у входа. Если понадобится — я рядом.

Морг встретил Бэт стерильным холодом и тихим гулом вентиляции. За стойкой сидел дежурный патологоанатом — немолодой мужчина с усталыми глазами и аккуратной седеющей бородкой. На его бейдже значилось: «Генри». Он посмотрел на вошедшую.

— Вы по поводу Китти Райс? — спросил он.

Бэт кивнула, незаметно сжимая кулаки в карманах куртки. Пальцы сводило от напряжения, а тело отчаянно пыталось удержать рвущиеся наружу эмоции.

— Да. Мне нужны результаты вскрытия. И... я хочу её увидеть.

Мужчина помолчал секунду, оценивая её состояние, и тихо произнёс:

— Понимаю. Держитесь, агент.

Он провёл Бэт в небольшое помещение. На стальной каталке лежало накрытое белой простыней тело. Девушка прикрыла глаза, справляясь с подступившим комком, который грозил лишить её голоса, твёрдости и самого права быть здесь, чтобы довести дело до конца. А потом решительно откинула край ткани.

Безжизненные черты Китти были на удивление спокойны — казалось, смерть наконец сняла с неё вечную настороженность чужака. Бэт бережно провела ладонью по холодным волосам и тихо пообещала:

— Я найду того, кто это сделал.

Вернувшись в коридор, она заставила себя переключиться в рабочий режим, надев привычную маску хладнокровия. Взгляд стал собранным. Бэт посмотрела на патологоанатома:

— Расскажите всё. Даже то, что кажется вам странным.

Генри открыл папку и заговорил ровным, бесстрастным тоном:

— Следы ногтей на теле поверхностные — видимо, жертву просто удерживали, не давая вырваться. Сердце и печень отсутствуют. Характер ран чётко говорит о том, что это работа какого-то крупного хищного животного... или опасного пришлого. Внутренности буквально выдраны с чудовищной силой.

Бэт слушала его и, когда доктор закончил, тихо произнесла:

— Спасибо. Вы очень помогли. Передайте материалы мне.

Выйдя на улицу, Бэт сразу увидела Дэвида — он стоял у дверей, прислонившись спиной к кирпичной стене. Не уходил. Не заходил. Просто ждал. Заметив напарницу, мужчина выпрямился и негромко спросил:

— Ну что?

Она лишь выдохнула, плотнее кутаясь в куртку:

— Лишь подтвердил первичные выводы. Обычный агрессивный пришлый. Так что едем в штаб.

В машине они молчали. Бэт смотрела прямо перед собой, Дэвид не задавал вопросов. За окном мелькали мокрые фасады, и тишина между ними была не неловкой, а рабочей — двое людей, которые уже понимали друг друга без слов.

Они вернулись в отдел и снова погрузились в материалы. Бэт ещё несколько раз перечитала строчки отчёта, и с каждой минутой в груди нарастало странное чувство, что она уже видела эти детали раньше. Спустя несколько минут девушка резко поднялась из-за стола и направилась в архив.

Среди бесконечных стеллажей и выцветших папок, пахнущих пылью и чужими тайнами, Бэт искала зацепку. Наконец в её руки попало старое досье пятнадцатилетней давности, переданное когда-то из французского филиала Бюро. Пожелтевшие страницы шелестели под пальцами.

Из отчётов следовало, что тогда тихий французский городок потрясла серия из трёх жестоких убийств. Все жертвы были растерзаны точно так же, как Китти, а интервал между нападениями составлял всего три-четыре дня. Существо назвали «Данклор» — за круглый рот, усеянный рядами бритвенно-острых зубов. Пятнадцать лет назад эту особь с трудом поймали и изучили. Оказалось, что вне охотничьего цикла Данклоры — идеальные мимики. Их внутренняя структура настолько близка к человеческой, что даже передовые медицинские сканеры не видят разницы. Монстр годами растворяется в толпе, прикидываясь дружелюбным соседом или коллегой, и никто вокруг не подозревает, какая чуждая логика управляет этим телом.

Но раз в полтора десятилетия в его организме запускается жуткий биологический таймер: плоть Данклора стремительно разлагается изнутри. Цена выживания оказывается жестокой —

ему нужно поглотить три сердца и три печени. Подойдут как обычные люди, так и близкие по анатомии пришлые. Только эта плата может затормозить пожирающее его гниение.

Покинув архив, Бэт вышла из лифта, она натирала уставшие глаза, и вдруг заметила Дэвида, который возился у стола Эмили, а та сияла и крутилась вокруг него. Девушка подошла и резче, чем нужно, бросила:

— Стрэнт, работы что ли нет?

Дэвид растерялся, начал объяснять, что Эмили попросила помочь с принтером — тот вдруг перестал печатать. Бэт молча наклонилась, подняла шнур, валявшийся под столом, и воткнула его в системный блок. Принтер ожил.

— Я разобралась с проблемой.

Развернулась и пошла в кабинет. Дэвид быстро последовал за ней.

Дверь за ними закрылась. Бэт разложила найденные документы на столе и подробно рассказала Дэвиду обо всём, что удалось узнать. Теперь они оба отчётливо понимали: хищника нужно остановить до следующего удара. Но как выйти на его след? Китти погибла два дня назад — до новой расправы оставалось не так уж много времени, а стоящих зацепок по-прежнему не было.

С упорством, граничащим с одержимостью, напарники продолжали искать хоть какую-то ниточку, пока монстр не успел нанести следующий удар и не раствориться в городском потоке на следующие пятнадцать лет.

Бэт перевела взгляд на карточку, найденную у «Серой лисы». Взяла её, задумчиво повертела в руках. Серебряный узор молний мерцал даже в тусклом свете настольной лампы. Вбив название в строку поиска, Бэт быстро отыскала адрес заведения и подняла глаза на Дэвида:

— Всё-таки нам нужно туда съездить.

«Иллюзия» оказалась заведением, где чужие фантазии обретали плоть. Здесь не было привычного мрака — по стенам скользили мягкие переливы света, а в воздухе висел тихий гул предвкушения. Посетители приходили не за выпивкой и не за танцами. Они приходили за тем, чего не могли получить в реальности: любую роль, любой сценарий, любую ночь — всё это становилось ощутимым, до последней детали. Обстановка сама размывала границу между дозволенным и запретным, между сном и явью.

«Иллюзией» управлял пришлый по имени Краис — невысокий темноволосый мужчина с карими глазами, в которых читалась древняя усталость и острый цепкий ум. От обычных людей его отличала только кожа — очень светлая, почти прозрачная, сквозь которую проступали тонкие голубоватые вены. Одежда на нём казалась невесомой, словно не прикрывала фигуру, а была её продолжением. Взгляд Краиса не выражал ни тревоги, ни враждебности — лишь привычную настороженность того, кто каждый день балансирует на грани.

Вместе с Краисом работали пять девушек из того же измерения. Все — неестественно белокожие, с длинными волосами цвета первого снега, которые непрерывно колыхались вокруг лиц, подчиняясь потоку воздуха, невидимого для глаз, но ощутимого кожей. Их лица застыли в безупречной симметрии, губы манили алой сочностью, но главным были глаза — ледяная радужка цвета жидкого серебра, без привычных человеческих эмоций, но с силой, от которой воля бесследно растворялась. Сирены — так их называли.

Их особенность — глубокий гипноз. Стоило одной коснуться головы гостя, как тонкие пальцы неестественно вытягивались, проникая сквозь череп прямо в сознание. Вокруг ладони вспыхивало слабое холодное свечение — и человек впадал в беспамятство. В этом состоянии разум создавал картины, неотличимые от яви. Физических ограничений больше не существовало. Чаще всего посетители приходили прожить именно то, о чём не могли сказать вслух.

Дэвид и Бэт коротко изложили причину визита. Краис медлил — взвешивал, насколько расспросы пошатнут хрупкий покой его салона. Наконец едва заметно кивнул и подозвал девушек.

Сирены послушно, одна за другой, включились в разговор. Как проводники, они лишь погружали гостей в транс и разделяли с ними видения, созерцая чужие помыслы изнутри. Их голоса звучали ровно, почти безразлично: нет, в чужих фантазиях не было ничего откровенно жестокого.

Но обострённое за годы охоты чутьё Бэт сразу уловило фальшь. Она задержала взгляд на одной из беловолосых девушек — та едва справлялась с внутренним трепетом и упорно смотрела в сторону. В этом мимолётном движении таилось больше, чем в любых словах: она что-то знала и отчаянно боялась произнести это вслух.

Бэт достала распечатанный стоп-кадр и протянула свидетельнице. Та лишь мельком взглянула — и из глаз хлынули слёзы. Хрупкое тело забила крупная дрожь. Сквозь рыдания девушка призналась: один из посетителей, которого она вела в транс, в своих фантазиях пожирает человеческие органы.

Напарники переглянулись — почерк твари не оставлял сомнений. К счастью, свои фантазии этот посетитель оплачивал банковской картой. Считав данные транзакции прямо с терминала, напарники покинули клуб. Уже в машине Бэт набрала Джозефа:

— Джо, у нас есть номер счёта. Пробей.

Аналитику потребовалось несколько минут, и динамик ожил:

— Есть совпадение. В человеческом мире Данклор скрывается под именем Алекс Блум. Сейчас вышлю адрес.

Блум работал обычным школьным учителем — добродушный, улыбчивый, из тех, кого обожают дети, а родители считают безупречным. Любящая жена, уютный дом, образцовое семейное спокойствие. Идеальный фасад, за которым пряталось чудовище.

Бэт смотрела на адрес на экране телефона. Улица, дом, квартира — обычные координаты обычной жизни. Но за этой дверью ждала тварь, которой осталось убить одного человека. А потом — пятнадцать лет тишины.

Она завела двигатель.

Жатва

Дорога до дома Блума заняла двадцать минут. Они почти не разговаривали — оба понимали, что сейчас любая секунда может стать последней для чьей-то жизни. Бэт крепко сжимала руль, Дэвид молча смотрел на карту в телефоне, прокладывая маршрут.

Дверь открыла супруга Блума: в её глазах застыла тревога, смешанная с усталостью. Было очевидно, что она уже давно балансировала на грани паники. Женщина с порога решила, что агенты пришли сообщить о несчастном случае — Алекс уже несколько дней не появлялся дома.

Когда ей показали снимок, она побледнела:

— Что... что он натворил? — в её голосе прозвучал неподдельный страх. Идеальный образ супруга рушился на глазах.

— Ваш муж подозревается в совершении тяжких преступлений, — мягко, но твёрдо ответила Бэт, блокируя экран планшета. — Мы делаем всё возможное, чтобы найти его. И если Алекс выйдет на связь, просим немедленно сообщить в наше управление.

Бэт взглянула на Дэвида, давая знак, что здесь они закончили:

— Спасибо за содействие. Всего доброго.

Они быстро спустились по крыльцу и направились к машине. Через мгновение она уже сорвалась с места. Едва напарники переступили порог отдела, аналитики передали им свежие данные: на окраине города обнаружили ещё одну жертву, погибшую до Китти. Эта находка меняла всё. Китти была второй, а это означало, что у них почти не осталось времени. Данклора нужно было поймать до того, как он совершит третье убийство, закроет свой кровавый цикл и растворится в городском потоке на следующие пятнадцать лет.

Ситуация становилась критической. Если Блум уже понял, что его земное имя рассекречено, он наверняка готовится к побегу и полному стиранию прежней жизни. Никто не мог предсказать, кем он станет после завершения «жатвы» — не преобразится ли в кого-то совершенно иного и неузнаваемого.

На поиски Данклора бросили все доступные силы. Весь бункер теперь работал исключительно над этим делом. Оперативники прокручивали терабайты записей с дорожных камер, улицы прочёсывали с особой тщательностью, а для жителей ввели временный комендантский час — редкую, почти забытую меру, от которой по ночным кварталам разносился лишь гул патрульных дронов.

Бэт не смыкала глаз уже давно. Глаза зудели, спина затекла от сидения перед дисплеем, в голове гудело от бесконечного потока информации, слившегося в монотонный шум. Но мысль об отдыхе не возникала — промедление стоило бы чьей-то жизни.

В этом безумном ритме её по-настоящему удивлял Дэвид. Он не жаловался, не просил передышки — просто уверенно держал её сумасшедший темп. Подхватывал сложные задачи на лету, вовремя подносил кофе и замечал то, что она упускала в спешке. Этот парень видел мир на какой-то иной частоте, подмечая скрытые мотивы там, где она видела лишь сухие факты.

«Наконец-то мне нашли человека, с которым действительно можно иметь дело», — подумала Бэт, мельком взглянув на него из-за светящегося монитора. В груди разлилось непривычное тепло — тихое, почти незаметное облегчение. В сосредоточенности Дэвида было что-то надёжное: он напоминал крепкий волнорез, способный выдержать любой шторм и не дать стихии разбить их маленькую команду в щепки.

Спустя несколько часов давящую тишину разбил резкий, искажённый помехами голос диспетчера:

— Всем постам. Объект обнаружен у центрального входа в городской парк. Повторяю: подозреваемый зафиксирован в третьем секторе. Время — два семнадцать.

Парк казался вымершим: из-за введённых ограничений город словно вырезал эту зону из общей сети, оставив лишь пустынные аллеи, редкие фонари с дрожащими кругами желтоватого света и глухой шум ветра в кронах деревьев. Предрассветный полумрак играл на стороне хищника — в заброшенной зоне Блumu было проще выследить последнюю жертву, которая решила игнорировать правила безопасности. Данклор умел сливаться с густыми тенями, превращаясь в едва уловимое движение среди бетонных парапетов и старых аттракционов.

Бэт резко поднялась и на ходу перекинула через плечо ремень тактического жилета. Карабины глухо звякнули, и этот звук мгновенно выбил из неё остатки сонной одури.

— Поехали, — бросила она, устремляясь к дверям.

Дэвид без лишних слов двинулся следом, на ходу проверяя заряд коммуникатора. Они оба понимали: счёт пошёл на секунды.

К парку они отправились только вдвоём, сознательно отказавшись от сопровождения. Был слишком высокий риск, что тяжёлые броневики и суeta спецназа спугнут цель. Группа захвата осталась на ближнем периметре, в квартале от центральных ворот, готовая сорваться по первому сигналу. Но сейчас всё зависело только от их пары.

Напарники синхронно опустили на глаза визоры тепловизионных очков. Ночная мгла мгновенно перестроилась в причудливую мозаику: холодные сине-серые контуры деревьев, редкие оранжевые пятна затаившихся птиц, ядовито-зелёные бетонные дорожки. Оптика лишала убийцу главного козыря — способности прятаться в темноте. В руках — тяжёлые ветеринарные ружья. Заряженные в них транквилизаторы несли дозу убойного нейролептика, рассчитанную на то, чтобы мгновенно блокировать нервную систему даже самого живучего пришлого — быстрее, чем успеют активироваться его рефлексy.

Бэт и Дэвид продвигались вглубь парка, ступая настолько осторожно, что даже минимальный шорох влажного гравия под подошвой казался недопустимой ошибкой. Мокрые ветки дикого кустарника хлестали по рукавам, ледяные капли ночной росы срывались за воротник, обжигая кожу. Весь их мир сузился до прицельной марки визора.

Дэвид резко замер. Его ладонь едва ощутимо коснулась предплечья Бэт, призывая зафиксировать позицию. В окулярах чётко проступили две контрастные фигуры. Первая — блёкая, синеvато-серая, с неровным, остывающим абрисом. Жертва. Второй силуэт полыхал ядовито-оранжевым: внутри существа бушевал аномальный жар, разгоняя кровь перед финальным броском. Мышечные ткани стремительно перестраивались, накапливая колоссальный объём энергии, недоступный человеческому организму. В этом яростном инфракрасном свечении читалась вся хищная суть Данклора — чужеродный биологический мотор, требующий последней подпитки.

Напарники рванули на перехват, ломая скрытность. Бэт на ходу сдёрнула очки и первой ворвалась на тёмную аллею. Молодая девушка — расширенные от ужаса зрачки, два чёрных провала. Агент мёртвой хваткой вцепилась в её запястье и резко рванула на себя, уводя с линии атаки.

Дэвид вскинул ружьё. Сухой хлопок эхом раскатился по аллее. Но Данклор среагировал за долю секунды до выстрела: тяжёлый шприц пролетел мимо и с треском срезал раскидистую ветку, исчезнув в зарослях.

Тварь взвыла — рёв был глубоким, вибрирующим, не человеческим и не звериным, а чужеродным, бьющим по барабанным перепонкам. Данклор рванул напролом, мелькая размытой серой полосой между стволами и мгновенно растворяясь в темноте. Бэт прижала к себе бьющуюся в истерике девушку, блокируя её движения, чтобы та в панике не бросилась следом за хищником.

— Всё, всё, тише, — ровно и авторитетно произнесла Бэт, фиксируя плечи спасённой и не отрывая взгляда от чернеющей чащи. — Ты со мной. Ты в безопасности.

Дэвид подбежал, на ходу возвращая визор на лоб, быстро оценивая обстановку:

— Она цела?

— Да.

Бэт упрямо всматривалась в сумрак. Ей почти хотелось, чтобы Данклор вернулся — чтобы закончить всё здесь и сейчас, пока злость блокировала подступающий к горлу страх.

— Он ушёл.

— Недалеко, — отозвался Дэвид. — Вижу остаточный след. Аномальное тепло ещё держится на коре и сломанных ветках.

Бэт коротко кивнула, передавая гражданскую подоспевшим оперативникам. Бойцы в глухих шлемах бережно перехватили девушку и увели под защиту ярких фар броневиков.

— Доложим диспетчеру и пойдём по следу, — сказала Бэт жёстко, без дрожи. — Мы не дадим ему уйти.

Оперативники осматривали периметр, пытаясь разглядеть среди деревьев хоть какой-то намёк на монстра. Один из бойцов, стоявший ближе к кирпичной стене на выходе из аллеи, резко вскинул штурмовую винтовку, рассекая мрак лучом фонаря:

— Там! Вижу движение!

Все обернулись: между стволами на долю секунды мелькнул жуткий, искажённый силуэт. Идеально круглый, распахнутый в немом оскале рот, усеянный рядами острых зубов, и глаза, горящие ядовито-зелёным пламенем. Фигура дёрнулась и рванула прочь.

Дэвид не ждал ни подтверждения, ни команды. Он уловил тот короткий миг, когда монстр выдал себя, и мгновенно просчитал траекторию. Без лишних слов сорвался с места и растворился в чаще.

На мгновение вокруг Бэт повисла растерянная тишина. Оперативники застыли, переводя ошарашенные взгляды с исчезающего в тени напарника на неё. Все ждали, что она сейчас рявкнет «Стоять!» и прикажет безумному новичку вернуться.

Бэт сделала шаг вперёд, собираясь отдать приказ к общему штурму, и вдруг замерла. Дэвид не просто бежал — он скользил между стволами пугающе плавно, словно не касался мокрой земли. Ни единого лишнего шороха, ни одна ветка не задела его плечо, дыхание оставалось идеально ровным. Он перемещался так, будто знал эту ночную тьму лучше, чем собственный дом, и она покорно принимала его, укутывая тенями.

«Обычный человек не способен так двигаться», — холодная игла подозрения больно кольнула сознание.

Но размышлять было некогда. Бэт бросилась следом.

Данклор уходил, стремясь затеряться в лабиринте городских переулков. Дэвид мчался вперёд, неотрывно удерживая чудовищную массу в поле зрения. Бэт бежала за ними, и тут тварь сделала то, чего она не ожидала: резко сменила направление и бросилась не от неё — на неё.

Удар был страшным. Бэт не успела ни увернуться, ни вскинуть ружьё — массивное тело Данклора сбило её с ног, придавив к мокрому асфальту. Грудь сдавило, из лёгких выбило весь воздух. Она почувствовала, как когти монстра рвут куртку, и жаркое, зловонное дыхание обдало лицо. Рядом — Дэвид. Откуда он взялся, Бэт не поняла. Он просто был — схватил монстра за плечо и рванул с такой силой, что тварь отлетела от Бэт и покатила по мокрой траве. Данклор вскочил мгновенно и бросился на него. И Дэвид принял удар. Он не отступил.

Бэт лежала на земле, выбитая из дыхания, и не верила собственным глазам. Дэвид дрался с монстром — не отмахивался, не защищался, а именно дрался, держа удары, от которых обычного человека унесло бы на метры. Данклор обрушивал на него массу разъярённого хищника, а Дэвид держался. Не уступал. Ни в силе, ни в скорости.

Бэт заставила себя встать. Руки дрожали, но ружьё она удержала. Перекрестие легло на мощное плечо Данклора — и на этот раз осечки не произошло. Дротик со снотворным с мягким хлопком вонзился точно в цель.

Существо остановилось как вкопанное и издало дикий рёв — не крик и не вой, а утробный скрежет, похожий на трение ржавого металла о кость. Тело судорожно дёрнулось, мышцы под курткой вздулись, жилы проступили под кожей, как натянутые чёрные канаты. Лицо Блума буквально поплыло, теряя очертания — и в следующий миг монстр рухнул, как подрубленное дерево, и затих. Тяжёлый, неподвижный, но всё ещё пугающе живой.

Бэт накинулась на напарника. Дэвид стоял, тяжело дыша, — куртка разорвана, от когтей монстра на руках и ноге кровоточили глубокие порезы.

— Ты что, совсем ненормальный? Зачем побежал за ним? — выпалила она, и голос дрожал — от адреналина, от злости, от чего-то ещё. — И ещё так пугающе быстро?

Парень не стал терпеть:

— Бежал быстро из-за адреналина. А вот ты какого чёрта побежала за мной и так глупо подставилась?

Бэт открыла рот — и закрыла. Он был прав. Она стиснула зубы, молча взяла его за локоть и потащила к медикам.

Группа захвата быстро добралась до места. Бойцы двигались чётко, без суеты — каждый жест отточен до автоматизма. Старший группы, крепкий мужчина с жёстким цепким взглядом, коротко скомандовал в рацию:

— Объект на земле. Подтверждаю нейтрализацию.

Пленника сковали специальными наручниками — не стальными браслетами, а тяжёлыми оковами со вставками из особого сплава, блокирующего аномальную биохимию пришлых. Металл слегка светился тусклым фиолетовым, впитывая остатки чужой энергии, гася её и запирая внутри.

Один из бойцов, молодой парень с напряжённым лицом, наклонился проверить пульс на шее Блума — и резко отдёргнул руку, словно обжёгся.

— Чёрт... У него температура под пятьдесят! И сердце... я в жизни такого не видел. Бешено колотится, будто пытается вырваться из груди.

Старший угрюмо хмыкнул, проверяя фиксаторы:

— Держите дистанцию. Это не человек.

Тело Данклора погрузили в бронированный фургон, больше напоминавший передвижную лабораторию. Внутри мерцали мониторы и тихо гудели датчики, фиксируя каждый скачок показателей: сердцебиение, тепловое излучение, уровень аномальной активности. Каждый сигнал на экране был попыткой разгадать, как устроено существо, которое столько лет жило среди людей, пряча свою истинную суть за маской обыденности.

Данклора, всё ещё без сознания, доставили в бункер и поместили в изолированную камеру. Стены были выложены пластинами из экспериментальных материалов: первое покрытие поглощало тепловое излучение, второе блокировало электрические импульсы, а глубинная броня «съедала» любые колебания пространства. Даже малейшая искра энергии растворялась в этой многослойной тишине.

Джозеф, подключившись к датчикам, тихо присвистнул — не от восхищения, а от холода тревоги:

— Его метаболизм до сих пор сопротивляется нейролептикам. Даже в глубоком беспмятстве организм перестраивает клетки под новые нужды. Это пугающе эффективно. Он не спит — он затаился, готовясь к следующему рывку.

Кевин подался вперёд, кулаки сжались от смеси азарта и тревоги. Ему не терпелось исследовать анатомию существа — чтобы понять, с чем именно они столкнулись. Не каждый день встречаются создания, способные трансформировать собственное тело, перекраивать волокна и менять структуру костей, обманывая саму физиологию.

Бэт стояла у толстого прозрачного стекла, за которым скрывалась непробиваемая энергокапсула. Молча смотрела на неподвижное тело Алекса Блума, уже почти полностью вернув-

шего свой человеческий вид. Обычный учитель, приветливый сосед, «хороший парень» и кровавое чудовище в одном лице.

Ярость ещё глухо кипела в груди, но к ней примешивался новый, отрезвляющий тон — глубокое удовлетворение: страшное дело наконец доведено до конца. И вместе с тем горький осадок: победа пришла слишком поздно, и этим не вернуть Китти.

Дэвид подошёл и встал рядом у смотрового окна.

Данклор, уже полностью вернувший облик обычного мужчины, внезапно зашевелился. Всё ещё не приходя в сознание, он забормотал странную, обрывистую фразу:

— Дар, ты обещал помочь... Ты обещал...

Бэт резко развернулась к напарнику:

— Ты слышишь? — голос прозвучал чуть резче, чем хотелось.

— Да, — спокойно ответил Дэвид. — Но о ком он говорит?

Напарники рассчитывали дожидаться, когда Алекс придёт в себя для полноценного допроса. Но спустя несколько часов он скончался, так и оставив их без ответов. Организм Блума не выдержал колоссального стресса и прерванной трансформации — внутренние аномальные процессы в итоге погубили его, буквально сожрав изнутри. Мониторы Кевина уныло зафиксировали ровную линию.

Утром сотрудники Бюро официально сообщили жене Блума, что Алекс погиб в автокатастрофе. Старший агент говорил тихо, стараясь не сыпать соль на свежую рану.

— Мы искренне сожалеем, — добавил он, чуть наклонив седую голову. — К сожалению, авария была слишком сильной. От тела ничего не осталось, чтобы можно было совершить захоронение. Мы понимаем, как это усложняет всё... и как мало это даёт для нормального прощания.

Женщина молча опустила голову. Пальцы мёртвой хваткой вцепились в деревянный край стола, но она не заплакала — просто смотрела куда-то чуть мимо оперативников.

Младшая сотрудница тихо поставила перед ней стакан прохладной воды. Не проронила ни слова — просто сделала единственное, что хоть немного могло пригодиться.

— Если будут вопросы, любые, даже самые мелкие... пожалуйста, обращайтесь. Мы постараемся помочь.

Женщина едва заметно кивнула — скорее чтобы дать понять, что ещё различает человеческую речь, чем от веры в чью-то помощь.

Бэт вернулась в отдел и остановилась у магнитной доски с уликами. Сжав в руке чёрный маркер, она вывела на самом верху новое имя — «Дар» — и поставила напротив три жирных вопросительных знака. Затем дрожащими пальцами потянулась к криминалистическому снимку Китти, аккуратно открепила его от доски и прижала к груди. Ей отчаянно хотелось воскресить в памяти её живой тёплый взгляд и звонкий, чуть дерзкий смех, который теперь будет звучать лишь в воспоминаниях.

— Мы смогли, Кит. Мы поймали его... — едва слышно прошептала она в пустоту, будто подруга могла услышать сквозь невидимую границу миров.

Слова повисли в холодном воздухе — пустые и блёклые, совершенно не способные заполнить то, что разрасталось внутри. Слёзы хлынули неудержимым, горячим потоком — тем самым, который она так долго заставляла себя подавлять, пряча за маской хладнокровия. Плечи судорожно заходили от душащих рыданий.

Дверь кабинета бесшумно приоткрылась. Дэвид замер на пороге — не решаясь войти, не решаясь уйти. А потом осторожно подошёл ближе и просто обнял её — крепко, но бережно. Не подбирал фраз утешения, не пытался ничего объяснять. Просто держал, пока она плакала. А Бэт впервые в жизни позволяла кому-то вот так стоять рядом.

Когда плач начал утихать, Бэт уткнулась лбом ему в грудь. От напарника исходило едва уловимое тепло.

— Она звонила мне в тот вечер... Пять раз звонила, — прошептала она, и голос сорвался на хрип. — Если бы я только взяла трубку, она была бы ещё жива...

Дэвид крепче прижал её к себе:

— Ты не могла знать, Бэт.

Бэт выдохнула, и из неё словно ушла часть неподъёмного груза. Она аккуратно отстранилась, ладонями стёрла с лица остатки слёз и слабо улыбнулась — бесконечно усталой, но настоящей улыбкой:

— Спасибо. Мне это было нужно.

Дэвид тепло хмыкнул и коротко кивнул. Взял со стола её ключи от машины и кивнул на выход:

— Пойдём отсюда. Не на новое дело и не в архив. Просто туда, где тихо.

Где можно не думать ни о монстрах, ни о том, кто прячется в темноте.

Они вместе вышли из полутёмного отдела, оставив позади доску с загадочным именем «Дар» и посмертные фотографии подруги. На сегодня расследование было окончено. Но, уходя, Бэт поймала себя на мысли, что тьма, от которой она защищала других, шла с ней рядом — и впервые за долгое время рядом с ней шёл ещё кто-то.

В ритме пятидесятих

Со дня похорон Китти прошёл месяц, но боль не отпускала. Каждую ночь Бэт снова и снова прокручивала в голове тот вечер: телефон на тумбочке, пять пропущенных звонков... Если бы я взяла трубку. Если бы не выключила звук. Если бы не была занята Адамом. Если бы, если бы, если бы — это слово въелось в мозг, как заноза, которую нельзя вытащить, не изрезав себя ещё сильнее.

Бэт нужно было почувствовать, что она ещё способна хоть что-то менять по своей воле — хотя бы в самой себе. И девушка решительно отправилась в парикмахерскую.

На следующее утро мегаполис за окнами сиял на максимальной летней яркости, разгоняя остатки ночного тумана. Бэт шла по коридору в сторону своего уже родного отдела и тихонько напевала себе под нос какой-то весёлый мотивчик — словно наперекор собственным мыслям.

Распахнув дверь, она замерла от того, что коллеги разом повернулись к ней. В их глазах читалось тёплое профессиональное любопытство, смешанное с искренним изумлением.

Бэт улыбнулась и пошла в атаку первой, опережая неизбежный шквал подколов:

— Да, теперь я розовая. Решила, что нашему мрачному отделу не помешает немного цвета.

Кевин застыл с черничным маффином на полпути ко рту. Он прищурился, оценивая масштаб бедствия, и вздохнул:

— Розовые волосы до плеч... Бэт, скажи честно, ты заколебалась заполнять отчёты и решила, что смерть от рук монстра — отличный способ уйти с работы пораньше? Или мы официально отменяем тактику «слиться с толпой»? Тебя же теперь из космоса видно.

Бэт фыркнула, с лёгким вызовом скидывая куртку на спинку рабочего кресла:

— Зато если ты опять засмотришься на свои графики и потеряешься на выезде, то всегда сможешь быстро меня отыскать в толпе.

Кевин рассмеялся, глубже откинувшись в кресле:

— Ладно, засчитано. Но если завтра ты заявишься в латексном костюме супергероя, то я официально внесу это в рапорт для шефа. Чисто ради премии за креативность в полевых условиях.

Бэт опустила на своё место и принялась раскладывать документы на столе — каждый строго по порядку:

— Договорились. Поделим премию пополам, куплю тебе нормальный кофе вместо этого растворимого ужаса.

Джозеф, не отрывая глаз от монитора, тихо хмыкнул. Затем он поднял голову и посмотрел на Бэт — его взгляд, как всегда, лучился спокойной отцовской мудростью:

— Главное, дочка, чтобы под этим цветом голова оставалась такой же холодной. Остальное — просто причуды.

Бэт кивнула и включила компьютер:

— Не переживай, Джо. Мой фокус в полном порядке. Я по-прежнему всё замечаю: и ложь подозреваемых на допросах, и даже то, как Кевин прямо сейчас пытается незаметно засунуть обвёртку от маффина под клавиатуру.

Старший аналитик чуть заметно качнул головой и снова погрузился в чтение таблиц. Кевин же, жуя на ходу, лишь шутливо огрызнулся, с ухмылкой поглядывая на коллегу.

В этот момент в помещение быстро вошёл Дэвид. Он всё ещё привыкал к здешним порядкам и к тому, что в их отделе «нормальное» — это понятие весьма растяжимое. Едва войдя, парень замер. Он несколько секунд молча разглядывал Бэт, и в его синих глазах минутное замешательство мгновенно сменилось чем-то очень тёплым и искренне восхищённым. Потом его взгляд медленно переместился на Кевина, который уже успел выставить на край стола пла-

стикovou табличку «Зона повышенной иронии», а затем на Джозефа, полностью игнорировавшего любые внешние раздражители.

— Я пропустил какой-то важный инструктаж по маскировке? Или в Бюро принято сходиться с ума всем отделом сразу, а мне просто забыли об этом сообщить? — осторожно поинтересовался парень, закрывая за собой дверь.

Бэт хихикнула, лениво покручивая в пальцах карандаш:

— Добро пожаловать в реальность, Дэвид. Тут безумие идёт не по расписанию. Оно просто... есть. И считается нашим законным рабочим фоном.

Кевин проглотил остатки маффина, покопался в глубоком ящике стола и протянул новичку маленький значок с шутливой гравировкой «Выживший в первый месяц»:

— На, держи. Это традиция нашего отдела. И не переживай, если через месяц поймаешь себя на том, что цитируешь мои шутки в официальных отчётах шефу. Это будет значить, что адаптация прошла успешно.

Дэвид принял подарок, покрутил его в пальцах и улыбнулся:

— Тогда я, пожалуй, начну привыкать прямо сейчас.

Бэт на мгновение зафиксировала взгляд на его лице. В этой улыбке напарника таилось что-то такое, от чего глухая тяжесть, которую она таскала в груди после гибели Китти, на миг становилась чуть легче. Затем девушка быстро опустила глаза, испугавшись, что кто-то из команды заметит эту мимолётную слабость, и поспешно потянулась к стопке папок на краю стола, принявшись перебирать их чуть резче, чем требовалось.

Джозеф, по-прежнему не отрываясь от экрана, тихо хмыкнул со своего места:

— Если примет юмор Кевина, то значит, точно наш человек.

И тут резко зазвонил стационарный телефон. Этот пронзительный звук ворвался в комнату точно сирена, и все присутствующие невольно вздрогнули. В их отделе эти аппараты никогда не трезвонили просто так — каждый подобный сигнал означал новую угрозу для города.

Бэт протянула руку к трубке, на секунду задержала дыхание и сняла её, быстро представившись:

— Анабэт Моус. Слушаю.

На том конце провода отозвался шеф подразделения, Эдвард Коул. Он руководил структурой с самого её основания, когда-то лично выезжал на каждое происшествие и знал наизусть все дела, которые им приходилось расследовать. Он никогда не упускал из виду ни одной детали, был довольно строгим, но искренне заботился обо всех своих сотрудниках.

Обычно его голос звучал твёрдо и безэмоционально, как судебный приговор, но сейчас сквозь мембрану телефона проскользнуло что-то пугающе новое — не мимолётное раздражение начальства и не оперативная усталость, а тревога, от которой у Бэт похолодел затылок:

— Зайдите с Дэвидом ко мне, — коротко бросил Коул и, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Частые, прерывистые гудки мёртво зазвучали в тишине кабинета. Бэт медленно опустила трубку, затем перевела взгляд на Дэвида. В его глазах отразилось то самое немое понимание, которое возникает у напарников в первые секунды грядущей опасности: «Что-то произошло».

Не прошло и минуты, как они уже стояли в кабинете начальника. Эдвард кивнул, указывая на массивные кресла у своего стола:

— Присаживайтесь.

Он словно проигнорировал розовые волосы Бэт — ну или намеренно сделал вид, что это его не касается. В такие моменты шеф умел мгновенно отсекал всё ненужное, потому что в его работе не было места эмоциям.

Напарники сели. В воздухе кабинета висело тяжёлое безмолвие. Эдвард не спешил: он смотрел куда-то сквозь агентов, тщательно подбирая слова. Когда Коул наконец прервал тишину, его голос прозвучал непривычно тихо:

— У меня к вам личная просьба, — он откинулся на высокую спинку кресла, сцепил пальцы в замок и начал рассказывать: — Это дело пойдёт полностью в обход стандартного протокола. Прошлой ночью пропал сын моих близких друзей. Семья, разумеется, сразу подняла на ноги полицию, но я уверен, что этот случай выходит далеко за рамки обычной розыскной работы. Он по природе своей относится к нашему профилю.

— С чего вы так решили, сэр? — тихо спросила Бэт, слегка подавшись вперёд. Её пальцы едва заметно сжались на кожаных подлокотниках — старая привычка, которая всегда выдавала внутреннее напряжение, пока лицо оставалось безупречно спокойным.

Эдвард помассировал переносицу, собираясь с мыслями, и продолжил:

— За несколько дней до исчезновения мальчик рассказывал родителям о каких-то новых друзьях, которые приходят к нему. И описывал он их довольно странно, я бы даже сказал — специфически. Не хочу делать поспешных выводов, но думаю, что к нему являлись трииды. Эти существа попали в наш мир лет десять назад, после крупного прорыва. Они в целом довольно безобидные создания, но, к сожалению, они иногда уводят с собой человеческих детей.

— Зачем им дети? — нахмурившись, спросила Бэт с тревогой в голосе.

— Они любят играть, веселиться и искать приключения. А кто лучше всего подходит для этого? — с горькой иронией произнёс Эдвард. Чуть помедлив, он посмотрел на Бэт и добавил с едва заметной улыбкой, кивнув в сторону её новой причёски: — Дети... и ты, Бэт.

В её новом образе действительно было что-то, невольно напоминавшее о беззаботности: эти бунтарские розовые локоны, эта дерзкая искра в глазах. Она вопреки всей жестокости их повседневной работы и назло вселенной цеплялась за утерянную способность удивляться окружающему пространству.

— Сэр, мы немедленно отправимся к родителям мальчика, чтобы во всём разобраться на месте.

Эдвард протянул через стол плотный листок с аккуратно выписанными строками:

— Вот адрес.

Бэт скользнула по ровным строчкам, и её плечи тут же поникли. Она тяжело вздохнула, а затем страдальчески застонала на весь кабинет, едва не утыкаясь лбом в край стола:

— Ну нет... Только не этот район! Коул, за какие грехи?

Дэвид, увидев столь эмоциональную реакцию напарницы, с искренним любопытством покосился на бумажную карточку в её руках:

— Что с этим местом не так, Моус? Чего ты так взвыла?

Бэт подняла на него выразительный взгляд, будто спрашивая: «Ты серьёзно не понимаешь?» Затем она утомлённо покачала головой и противно протянула:

— Ты вообще местный, Стрэнт? Или тебя в секретной лаборатории Бюро вырастили?

После этого девушка на мгновение задумалась, подыскивая точные слова для описания этого места:

— Это закрытая зона любителей ретро. Там все живут так, словно на дворе 1950-й год. Никакой сотовой связи, никакого интернета — вообще ничего из современных технологий, которые стали для нас нормой. Да они даже о Разломах и пришлых слышать не хотят — для них такой темы просто не существует. Они сознательно отрезали себя от мегаполиса, построили свой замкнутый анклав и ревностно оберегают его границы от посторонних.

Дэвид нахмурился, переваривая эту дикую информацию:

— И как это работает на практике? Они просто выставляют за дверь любого, кто выглядит непривычно для их благословенной эпохи?

Бэт кивнула и с усталой иронией продолжила:

— Именно. И что самое паршивое — нам придётся маскироваться, чтобы сойти за местных. Если мы, конечно, хотим, чтобы нас хотя бы за шлагбаум пропустили. Никаких гаджетов,

одежда тех времён... Иначе нас мигом сочтут испорченными гостями с Большой земли и даже разговаривать не станут.

Дэвид опустил глаза на свои смарт-часы с кучей датчиков, которые привык считать незаменимыми в полевых условиях. Затем он перевёл взгляд на розовые пряди Бэт и невесело усмехнулся:

— То есть мне придётся спрятать все свои «чудеса техники», а тебе — возвращать блонд?

Бэт вызывающе фыркнула, рефлекторно поправляя свежую причёску:

— И не подумаю. Придумаю что-нибудь с маскировкой прямо на ходу — подыщу какой-нибудь винтажный платок или надену парик.

Эдвард едва заметно дёрнул уголком губ, но тут же принял серьёзный вид:

— Главное, чтобы вас вообще пустили за периметр, агенты. Остальное — просто рабочие детали.

Бэт кивнула, ещё раз внимательно вчитываясь в адрес на бумажной карточке, и уверенно сказала:

— Мы вытащим парня, сэр.

Дэвид перехватил её взгляд и уверенно добавил:

— Да. Мы справимся.

В этой короткой фразе прозвучало негласное обещание не только шефу, но и друг другу: они не оставят мальчика в том чужеродном мире, куда его могли увести трииды.

Дэвид на мгновение представил себя в мешковатом пиджаке образца середины прошлого века и едва заметно хмыкнул. Впрочем, он тут же посерьёзnel, заметив, как пристально наблюдает за ним напарница. А затем спокойно подытожил, принимая новый, пусть и весьма экзотический вызов:

— Значит, придётся перевоплощаться.

Бэт согласно кивнула, уже мысленно прикидывая, где раздобыть подходящий гардероб. Они отправились в местный магазин театральных и карнавальных костюмов — место, где в пыльных витринах застыли целые эпохи, а воздух пропитался нафталином, старой кожей и запахом забытых праздников. Среди бесконечных вешалок с тяжёлым бархатом и пожелтевшим кружевом напарники вскоре подобрали вещи, идеально вписывающиеся в консервативную эстетику Грин-Валли.

Дэвид вышел из примерочной в элегантном тёмно-сером костюме с чуть завышенной талией, безупречно подчёркивающим его плечи, и белоснежной сорочке с узким галстуком-селёдкой. Бэт выбрала платье в мелкий горошек с пышным расклёшенным подолом.

Но вынужденный маскарад едва ли радовал её — больше всего Бэт бесил каштановый парик, который пришлось надеть поверх собственных прядей. Жёсткий, неестественно гладкий, он неприятно царапал кожу шеи и будто душил её бунтарскую натуру. Её свеженький образ совершенно не сочетался с чопорным духом ушедшей эпохи. Теперь Бэт казалось, что под этим фальшивым каре она прячет часть собственной личности. Она то и дело нервно поправляла ободок, безуспешно пытаясь вернуть утерянное ощущение контроля.

К тому же им срочно требовался транспорт, соответствующий духу того времени, ведь без него весь план просто терял смысл. Современные внедорожники в тот район не пускали, потому что на въезде дежурил бдительный смотритель с высеченным из камня лицом. Для жителей общины это был не каприз, а вопрос принципа: они оберегали свой островок прошлого так ревностно, что создавалось ощущение — от этого зависит судьба цивилизации.

После недолгих поисков им выделили старенький седан. Внешне он казался в превосходном состоянии, словно его только вчера бережно выкатили из гаража коллекционера. Лакированные бока сияли, отражая косые неоновые лучи, — ни единой царапины, ни малейшего намёка на ржавчину. Упругая кожаная обивка сидений хранила едва уловимый, благородный

аромат. Тонкий руль, хоть и казался непривычно большим, ложился в руки уверенно, приглашая довериться старым механизмам и просто ехать вперёд.

И всё же Бэт не могла отделаться от странного чувства, что слишком уж идеально выглядела эта машина — не просто хорошее коллекционное качество, а демонстративная, почти неестественная безупречность.

Именно этот седан мог без лишних вопросов открыть им ворота ретро-района, где стрелки часов замерли в далёком прошлом. В глазах местных жителей раритет будет выглядеть не музейным экспонатом, а частью привычного пейзажа.

Бэт провела ладонью по капоту, ощущая пальцами прохладный металлический глянec, и пробормотала, покосившись на Дэвида:

— Выглядит так, будто он только что сошёл с конвейера. Даже не верится, сколько ему лет на самом деле.

Напарник неторопливо обошёл машину по кругу, коротко постучал костяшками пальцев по крылу и прислушался к чистому звуку железа — словно вёл с техникой безмолвный диалог. Затем он уверенно кивнул, бросив на Бэт быстрый взгляд:

— Именно поэтому дотошный заслон нас и пропустит. Наш транспорт не пытается казаться старым — он и есть старый, и при этом выглядит безукоризненно. Как джентльмен в безупречно сшитом костюме.

Бэт хмыкнула, но спорить не стала. Она прекрасно знала, что порой успех сложной операции зависит не от новейшего шпионского снаряжения, а от умения стать неотличимой частью чужого мира — даже если этот мир насквозь пахнет нафталином и слепо подчиняется давно забытым правилам.

Они сели внутрь. Тяжёлая дверь захлопнулась, мгновенно отсекая агентов от привычного времени. Двигатель натужно взвыл, затем утробно заревел и наконец ровно и бархатисто загудел — старый механизм тоже вспомнил свою прежнюю юность.

Дэвид положил ладони на руль и бросил на Бэт мимолётный взгляд:

— Готова?

Она на мгновение задержала дыхание, настраиваясь на рабочий лад, а затем кивнула:

— Готова. Поехали спасать мальчишку — даже если для этого мне придётся изображать примерную домохозяйку из прошлого века.

Но перед тем как включить передачу и снять машину с ручника, Стрэнт неожиданно добавил:

— Нам нужно заехать за конфетами.

Бэт удивлённо приподняла брови, от неожиданности позабыв даже про ненавистный колючий парик:

— За конфетами? Зачем?

Дэвид кивнул с таким невозмутимым видом, будто речь шла о покупке патронов или самого логичного в мире снаряжения для удачной миссии:

— Нужен большой кулёк сладостей. Поверь мне.

В кондитерской лавке по пути они набрали целый бумажный пакет леденцов, карамелек и прочих сладостей. Когда они снова сели в машину, шуршащий свёрток лёг на кожаный диван прямо между ними — как маленький, но важный якорь их новой легенды.

Дорога до резервации оказалась серьёзной проверкой на терпение. Превосходный снаружи автомобиль на деле выдавал свой истинный возраст на каждом ухабе. Старая жёсткая подвеска, послушная на ровном городском асфальте, теперь натужно стонала на разбитых подъездных путях к общине. При каждом сильном толчке Бэт вздыхала так, будто техника наносила ей личную обиду. Современные гаджеты бесполезно пылились в закрытом бардачке, а кожа под душным париком нещадно чесалась.

Дэвид, напротив, будто находил в этом путешествии своеобразное очарование — он вёл тяжёлый седан уверенно и плавно, словно физически чувствовал ритм старых механизмов. Изредка он посматривал на взвинченную напарницу, но не пытался спорить с её ворчанием — просто терпеливо ждал, пока уляжется эта буря.

Наконец они добрались до Грин-Валли. Въезд на закрытую территорию был строго ограничен, и попасть внутрь посторонним можно было лишь по приглашению. К счастью, Эдвард заранее обо всём позаботился, пока его люди в городе колдовали над маскировкой. Старомодный шлагбаум поднялся, пропуская их за периметр.

Скрипя изношенными деталями и тяжело вздыхая на крутых поворотах, «Шевроле» дотацил их до нужного адреса. Дэвид заглушил мотор, вышел и нажал на кнопку звонка у деревянной двери — спустя мгновение она распахнулась. На пороге стояла заплаканная хозяйка дома. В её измученном взгляде на долю секунды вспыхнула надежда: вдруг это вернулся её сын? Но искра тут же погасла — перед ней находились два абсолютно посторонних человека.

Окинув гостей взглядом, несчастная мать инстинктивно обратилась к высокому, собранному Дэвиду, явно приняв его за главного. В этом странном районе люди до сих пор жили по консервативным законам американских пятидесятых, так что Бэт предсказуемо сошла лишь за его помощницу или секретаршу. Девушка едва заметно нахмурилась, глубоко недовольная таким патриархальным распределением ролей, но вступать в дискуссию прямо на пороге не стала.

Она сделала шаг вперёд и твёрдо произнесла, перехватывая инициативу:

— Мы пришли помочь. Нас прислал Эдвард Коул.

Женщина кивнула, выдыхая, и покорно отступила в сторону, пропуская гостей. В гостиной их ждал отец мальчика. Напарники задали родителям несколько дежурных вопросов, а затем поднялись на второй этаж, чтобы осмотреть комнату Джо — именно так звали пропавшего ребёнка.

На первый взгляд внутри ничего не вызывало подозрений — обстановка в детской была совершенно обычной. На стуле висела аккуратно сложенная рубашка, на столе застыла недопитая кружка какао, а на полу валялась пара носков, словно Джо просто вышел на минуту и вот-вот вернётся.

Но когда Бэт подошла к окну, её взгляд зацепился за одну странную деталь: ухоженный задний двор резко обрывался у самой кромки леса. Бэт замерла, всматриваясь в эту границу, — по её спине пробежал ощутимый холодок, и вовсе не от сквозняка, а от жуткого чувства, что вековая чаща смотрит на неё в ответ.

Девушка тихо пробормотала, наклоняясь ближе к стеклу:

— Странно. Между ухоженным газоном и диким массивом нет вообще ничего. Ни забора, ни живой изгороди... просто пустая полоса земли. Идеальная лазейка, чтобы увести кого угодно.

Дэвид подошёл и встал рядом. Он тоже пристально смотрел на резкую грань между подстриженной лужайкой и тёмной стеной деревьев. Затем высказал своё предположение:

— Может, родители не думали, что Джо решится пойти в лесную глушь один, вот и не стали ставить ограждение.

Бэт упрямо покачала головой:

— Всё равно это глупо. Давай осмотримся во дворе, проверим траву.

Напарники спустились на улицу и обошли лужайку, но ничего подозрительного под окнами не обнаружили. Бэт, направляясь к деревьям и переступая голый рубеж, почти скомандовала:

— Нам нужно зайти в лес.

Дэвид без лишних слов последовал за ней. Отец Джо, абсолютно уверенный, что сын не стал бы даже приближаться к лесу, крикнул им вслед:

— Его там не может быть, он у нас очень боязливый мальчик!

Однако, пройдя всего несколько метров среди сырого полумрака, агенты заметили лежащую возле большого старого корня детскую машинку — точно такую же, как те, что они видели в комнате пропавшего ребёнка.

Бэт опустила на колено, подняла её, повертела в пальцах, а затем сокрушённо покачала головой:

— Родители настолько уверены в своей правоте, что даже не удосужились проверить территорию сразу за порогом.

Она поднялась на ноги:

— Если Джо ушёл в чащу, мы обязаны его отыскать. И сделать это нужно до наступления темноты.

Дэвид пристально всмотрелся вглубь лесного коридора и коротко кивнул:

— Идём.

Он огляделся, всматриваясь в хитросплетение ветвей, пытаясь прочесть в них скрытую карту. Они продвигались вперёд, и с каждым шагом мир становился всё безмолвнее. Птицы окончательно смолкли, а ветер утих, словно лесные заросли намеренно сжимались вокруг агентов, заставляя их ступать как можно осторожнее. Тяжёлые кроны деревьев плотно сомкнулись над головами, и блёклый дневной свет пробивался сквозь листву лишь редкими пятнами.

Около получаса напарники блуждали среди глухих стволов, пока неожиданно не вышли на просторную поляну. Сумрачные тени лежали здесь иначе — густые и синеватые, складывалось ощущение, что лес прятал своё тайное убежище от посторонних глаз. По всему периметру высились странные земляные бугорки примерно в метр высотой — они были хаотично разбросаны среди зарослей папоротника. Бэт сделала осторожный шаг вперёд, и почва под тонкой подошвой её туфли едва слышно просела. Она была совершенно не готова к этой лесной прогулке, и теперь модельная обувь казалась худшим выбором для поиска Джо.

Девушка повернула голову к Дэвиду, и в его глазах отразилось то же понимание: эта прогалина таила в себе нечто аномальное. Бэт вглядывалась в причудливые контуры холмиков, а потом пробормотала:

— Интересно, что это такое?

Она по привычке потянулась к поясу, где обычно висел фонарик, но тут же одёрнула руку — никаких гаджетов, никаких современных вещей. Вся электроника осталась в бардачке «Шевроле».

И тут насыпи осыпались, словно кто-то дёрнул за невидимые ниточки. Наружу, весело пища, высыпал целый рой пушистых созданий. Ростом они не достигали и метра, зато их чёрные глаза казались непропорционально огромными. В них, как в зеркалах, отражалось всё лесное окружение, но только куда ярче, сочнее и веселее — словно сама реальность специально раскрашивала картинку, чтобы заманить гостей в свою бесконечную игру.

Малыши визжали, подпрыгивали и мгновенно закружились вокруг напарников, превратившись в настоящий живой ураган из мягкого меха. Особенно их заинтересовал Дэвид. Из-за своего внушительного роста, под два метра, и строгого ретро костюма он выглядел для них настоящим чудом — чем-то вроде векового шагающего дерева, которое вдруг решило выйти на опушку и заглянуть на праздник.

Насмотревшись на высокого парня, пушистая банда переключилась на Бэт и сбила её с ног в один миг — легко и изящно, с грацией реактивного снаряда. Так стоя гиперактивных щенков, сошедших с ума от счастья, валит хозяина на траву, затапливая его лавиной безумного восторга.

Бэт даже пикнуть не успела, как один меховой комок катапультной прилетел ей на плечо, второй хваткой бульдога вцепился в подол, а третий технично поднырнул под локоть. Ойкнув,

гроза монстров эпично рухнула боком в траву, отчаянно балансируя на одной руке, чтобы не пропахать землю носом.

Трииды устроили гостёе бесцеремонный досмотр. Окружив её, они верещали, свистели на все лады, как соловьи-разбойники, и дёргали её за рукава, словно проверяли фарфоровую куклу на прочность. Самый наглый пушистик без зазрения совести цапнул аккуратный ободок прямо с её головы, и изящный пластиковый аксессуар капитулировал, с тихим шелестом сползая в папоротники.

Бэт, отплёвываясь от лезущей в рот шерсти и пытаясь удержать равновесие в этой пищашей куче-мале, рывкнула:

— Эй, полегче, пообрываете всё! Я вам не шведская стенка и не бесплатный батут!

Триидам было плевать на человеческие протесты. Сумасшедшая энергия была из них фонтаном, а сопротивляться этому мохнатому цунами было так же бесполезно, как ловить голыми руками взбесившийся фейерверк.

Стиснув зубы, Бэт ловким приёмом смахнула с плеча цепкие лапки и попыталась встать на четвереньки. Винтажное платье тут же выдало жалобный треск — ещё мгновение, и бурный восторг аборигенов оставил бы от её карнавального наряда только нитки.

Девушка включила режим сурового командира, и рыком, уже совсем не походившим на шутку, прокричала маленьким бандитам:

— А ну брысь! Хватит!

И это сработало: малыши мгновенно замерли. Тот прохвост, что утащил трофей, застыл, сжимая ободок в крошечной лапке, и забавно склонил голову набок. Остальные пушистики тоже притихли — только удивлённо переводили свои блестящие глаза с пластикового кольца на Бэт. Всем роем они пытались сообразить: что именно они сделали не так?

Каштановый парик, и без того сидевший криво после падения, съехал на ухо окончательно. Плотная розовая прядь её настоящих волос выбилась наружу и вызывающе упала на лоб. Трииды дружно и оглушительно пискнули — не от испуга, а от абсолютного восторга. Для них это было сродни редкому лесному сокровищу.

Самый смелый малыш снова подался вперёд, заворожённо потянулся к её голове и осторожно тронул яркий локон самым кончиком коготка, проверяя подлинность этой очередной детали чужого наряда.

— Не надо. Не трогай, — Бэт произнесла это твёрдо, глядя хулигану прямо в глаза, а затем повторила чуть мягче, но так, чтобы в тоне чётко чувствовалась нерушимая граница: — Это не игрушка. И я не игрушка.

Существо послушно замерло, всё ещё удерживая тонкую лапку в сантиметре от её розовых волос. Потом триид медленно отступил, застенчиво опустил ладони и вдруг протянул ей крошечный цветок — бледно-сиреневый, с дрожащими от волнения лепестками. Бэт удивлённо моргнула, принимая этот неожиданный подарок.

Всё это время Дэвид стоял в стороне, честно пытаясь сохранить лицо сурового оперативника, но в конце концов не выдержал и расхохотался от души. На лесной поляне его голос звучал громко и на редкость открыто — рядом с Бэт вся его армейская выправка и привычка держать дистанцию испарялись без следа. Он просто не мог оторвать взгляд от её воинственного, но ужасно комичного вида. Наконец, утерев выступившие от веселья слёзы, он подошёл ближе и аккуратно подхватил Бэт под локоть, помогая напарнице подняться.

Девушка тут же съязвила, сердито зыркнув на него снизу вверх, пока свободной рукой яростно поправляла сбитый ободок и натягивала парик обратно:

— Весело тебе?

Из-за этого шумного переполоха агенты далеко не сразу заметили самого Джо. Мальчик беззаботно носился по прогалине вместе со своими новыми друзьями. Он заливисто хохотил.

тал, кричал ничуть не тише пушистых хозяев леса и размахивал руками, будто соревновался с ними, кто умеет радоваться громче.

Бэт оцепенела, пытаясь осознать увиденное, а Дэвид инстинктивно шагнул вперёд, заслоня её своим плечом, но тут же расслабился и опустил руку — никакой опасности здесь не было.

Угмонить пушистую лавину удалось лишь после того, как Дэвид открыл заветный бумажный кулёк. Он присел, чтобы оказаться вровень с хозяевами этой опушки, и дружелюбно протянул им яркие леденцы. Лесные жители застыли, забавно принюхиваясь к незнакомому сладкому аромату, а затем осторожно, тонкими пальчиками потянулись к угощению.

Расхватав конфеты, они окружили гостей плотным, но мягким кольцом. Прыжки прекратились, существа выстроились в ряд, внимательно изучая агентов, словно оценивали, можно ли доверять этим пришельцам с Большой земли.

И всё же угощение сделало своё дело. К огромному удивлению Бэт, трииды вдруг заговорили на человеческом языке. Они изъяснялись немного сбивчиво, делая забавные паузы, посвистывая и резко меняя интонации, будто пробовали земные слова на вкус. Принесённые сладости окончательно растопили их подозрительность, и пушистики хором засыпали напарников вопросами о том, кто они такие, откуда прибыли и почему не хотят немедленно включиться в их общую игру.

Бэт спокойно представилась, мимоходом сдувая со лба упрямую розовую прядь, коротко рассказала, как они отыскиали эту секретную поляну, и попросила отпустить Джо домой. Она добавила, что близкие мальчика места себе не находят из-за того, что не знают, где их сын.

Триид, который стоял ближе всех к Бэт и всё ещё сжимал в лапке леденец, замер, будто впервые услышал само понятие «семья». Его огромные глаза чуть погрустнели, словно в них отразилась непонятная ему чужая боль. Он медленно повернул голову к Джо, который ещё носился по краю прогалины, и тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Он не хотел, чтобы они грустили.

Бэт невольно подалась вперёд, почти опускаясь на колени в своём пышном платье:

— Но мама с папой его ждут. И сильно грустят.

Пушистик перевёл взгляд с Бэт на Дэвида, потом снова на леденец, будто взвешивал в уме все «за» и «против». И наконец едва слышно, почти по-птичьи вздохнул:

— Ладно. Но пусть он сначала расскажет нам одну историю. Про дом, про то, что там самое хорошее — тогда мы поймём, что он и правда хочет туда вернуться.

Джо, услышав это, тут же подскочил к ним — глаза у него горели восторгом:

— Я знаю! Я расскажу про мамин пирог с яблоками! Он такой тёплый, и от него пахнет корицей, и папа говорит, что это лучший пирог на свете!

Он уселся прямо на мягкую траву, подтянул колени к груди и начал увлечённо говорить. Пушистики придвинулись ближе, ловя каждое слово, будто это была не просто детская история, а древнее заклинание, способное удержать кусочек домашнего уюта прямо здесь, посреди глухого леса.

Напарники посмотрели друг на друга, и в их взгляде было одинаковое понимание: торопить события не нужно. Пусть ребёнок договорит и пусть эти странные существа поймут, что дом — это про любовь и тепло.

Но, закончив своё повествование, мальчик упрямо надулся — он всё ещё протестовал против возвращения к будничной жизни:

— С триидами весело! А дома заставят в школу ходить, а там скучно...

Но потом Джо задумчиво притих. Он вытащил из кармана и покрутил в руках пластмассовую машинку, а затем тихо спросил:

— А они правда сильно грустят? Мои папа и мама?

Дэвид серьёзно кивнул, опускаясь перед ним на одно колено:

— Они с ума сходят от горя, малыш. Твоя мама выплакала все слёзы.

Джо помолчал, шмыгнул носом и, немного подумав, кивнул:

— Я не хочу, чтобы мама плакала из-за меня. Лучше я вернусь домой.

Лесные жители посмотрели на Джо с удивлением — они отказывались верить, что их маленький друг действительно уходит. Их чёрные глаза сделались ещё шире, а ушки уныло опустились, тщетно пытаясь уловить отголоски праздника, который только что оборвался. Один из пушистиков тихонько всхлипнул и принял протянутую мальчиком карамельку — он надеялся этим скромным подарком задержать его на поляне хотя бы ненадолго.

Но Джо, хоть и грустно улыбнулся, твёрдо покачал головой, пряча руки за спину:

— Спасибо, друзья, но мне пора.

Трииды переглянулись, совещаясь на своём свистящем языке, а затем кивнули. Они не стали удерживать ребёнка силой — в их природе не было жестокости, только наивная жажда забав и желание делиться ими со всей вселенной. И всё же в их движениях проступила тихая грусть, словно без Джо эта синеватая поляна мгновенно показалась им блёклой.

Перед тем как уйти, Бэт спросила у забавных созданий, как они попали в человеческий мир. Те принялись объяснять, шумно перебивая друг друга и активно взмахивая лапками, — пытались удержать в воздухе ускользающие воспоминания о том дне.

Один из триидов, самый смелый, подошёл к Дэвиду и, глядя на него так, будто его чёрные зрачки видели гораздо больше остальных, произнёс:

— Один был очень похож на тебя, такой же высокий и спокойный... Казалось, что он знает, куда идёт и зачем. А второй был чуть пониже, мы не смогли его рассмотреть — он укутывался так, что лица вообще не было видно. Этому, который скрывался, что-то было очень нужно в нашем доме. И пока он что-то искал, первый провёл нас сквозь какой-то свет, и мы попали сюда.

Бэт после этих слов замерла, чувствуя, как внутри всё заledenело от внезапной догадки, и перевела пристальный взгляд на напарника. Но Дэвид остался непроницаем.

Малыш на мгновение запнулся, подбирая слово, и тихо добавил:

— Нам здесь не очень нравится. Тут невесело и мало друзей. Но мы уже как-то обжились.

Затем один из пушистиков застенчиво заглянул Дэвиду в лицо. Парень присел, чтобы крошечному существу было удобнее, и тот тихонько спросил, принесёт ли он ещё сладостей. Дэвид тепло улыбнулся и пообещал иногда навещать их — приносить леденцы и придумывать что-нибудь для веселья.

После этого все попрощались. Джо крепко взял Бэт за руку — доверчиво, по-детски, словно этот жест помогал ему поверить, что он возвращается в реальность. Его ладошка была тёплой и чуть липкой от карамели. От этого простого доверия у Бэт перехватило дыхание, и она осторожно сжала его пальцы в ответ, уводя ребёнка прочь от секретной прогалины.

Вся компания шла обратно к дому. По дороге напарники строго договорились с беглецом хранить случившееся в секрете. Мальчик шёпотом отозвался, переводя взгляд с Бэт на Дэвида:

— Обещаю. Никому не проговорюсь. Скажу, что просто заплутал среди деревьев.

Бэт присела перед ним и улыбнулась, поправляя воротник его курточки:

— Ты молодец, Джо. Видишь ли, взрослые часто пугаются того, чего не в силах понять. А трииды... они хорошие, просто для большинства людей выглядят слишком необычно. Пусть это приключение останется нашей маленькой тайной.

Ребёнок снова согласно кивнул, а затем вдруг рванул вперёд и крепко обнял её за шею — так искренне, без капли стеснения. Бэт прижала его к себе, зажмурившись и вдыхая смешанный аромат сырой хвои, сладкой карамели и чистого детского счастья. В это мгновение вся усталость, все колючки и царапины будто перестали существовать.

Когда они вышли из леса, дневной свет ударил по глазам чуть резче, чем обычно, — казалось, что мир за пределами чащи стал ярче и громче. Джо замер, привыкая к уличным бликам, а потом тихо выдохнул:

— Всё-таки дома пахнет по-другому.

Бэт чуть наклонилась к нему:

— Да. И знаешь, в этом тоже есть своё очарование.

Джо подтвердил её слова лёгким кивком, и они пошли дальше — уже не сквозь лесную тишину, а навстречу обычной и настоящей жизни.

Добравшись до крыльца, агенты передали беглеца родителям, которые буквально обезумели от счастья. Они со слезами на глазах горячо благодарили Бэт и Дэвида за возвращение сына. Отец то и дело хлопал Дэвида по плечу, будто не верил, что кошмар закончился хорошо, а хозяйка дома прижимала к себе Джо так неистово, словно боялась, что он снова исчезнет, стоит ей лишь на миг ослабить хватку.

Осматривая ребёнка и заметив, насколько сильно растрепалась сама Бэт — в её каштановом парике запутались сухие листья и мелкие ветки, а подол потемнел от влажной земли, — женщина удивлённо заинтересовалась:

— Что с вами произошло, дорогая? Вы выглядите так, будто проползли на коленях через всю чащу.

Бэт невозмутимо поправила съехавшую на ухо искусственную прядь и чуть пожала плечами, пряча улыбку:

— Пустяки. Просто споткнулась о корягу и знатно растянулась в овраге. Ничего страшного.

Дэвид едва заметно дёрнул уголок губ, но удержался от ироничных комментариев.

Попрощавшись с семьёй Джо, напарники сели в машину и направились обратно в офис. Стоило им выехать за пределы Грин-Валли на ровное шоссе мегаполиса, как старый седан пошёл плавно, убаюкивающе покачиваясь, а педали и пружины лишь лениво поскрипывали в такт поворотам. Бэт наконец сдёрнула с головы душный капроновый кокон, облегчённо вздохнула, будто сбросила с плеч лишний груз, и устало откинулась на кожаный диван. Она пальцами взъерошила свои настоящие розовые волосы, чувствуя, как к коже возвращается свобода, и прикрыла веки на пару секунд — просто чтобы насладиться этим простым ощущением покоя. А потом тихо произнесла, поворачиваясь к Дэвиду и внимательно изучая его профиль:

— Знаешь, я всё хотела спросить... Откуда ты вообще знал, что триидам понравятся сладости? Это ведь точно не какая-нибудь стандартная тактика из академических учебников Бюро.

Дэвид, сжав пальцами обод руля, быстро подобрал подходящую легенду. Затем он выдохнул и неловко усмехнулся:

— Ну... они ведь во всём ведут себя как маленькие дети. А дети обожают конфеты. Вот я и подумал: вдруг сработает? Простая человеческая логика.

Бэт прищурилась, оценивая, насколько это объяснение выдерживает проверку на прочность, а затем протянула:

— Логично. — А потом добавила: — А ещё я никак не могу перестать думать о тех двоих, что приходили в измерение триидов. Зачем один из них перевёл целую группу этих существ в нашу реальность? Какую цель он преследовал? И, что пугает не меньше, что искал второй неизвестный в чужом, совершенно не предназначенном для него мире?

— Это действительно загадка, — тихо ответил Дэвид, и в его голосе прозвучала не пустота, а осторожное признание, что он тоже об этом думал. И, возможно, знал чуть больше, чем готов был сейчас сказать.

Только к вечеру они наконец вернулись в управление. Жёсткий свет люминесцентных ламп после густых лесных сумерек казался особенно ярким, почти навязчивым — он царапал

глаза. Зато знакомый гул голосов, треск принтеров и ритмичный стук клавиатур теперь звучали для Бэт как лучшая музыка на свете — музыка её привычной рабочей реальности.

Кевин уже поджидал коллег у входа в кабинет: на его лице читалось ехидное выражение — медик явно собирался отпустить колкость насчёт помятого вида коллеги. Пышное платье Бэт слегка перекошилось, розовые волосы растрепались, а на потемневшем подоле виднелись пятна от травы. Парень уже набрал в грудь воздуха, предвкушая триумф, но Анабэт бросила на него такой красноречивый взгляд — усталый и острый, категорически не терпящий иронии, — что он тут же передумал.

Ухмылка мгновенно сползла с лица Кевина. Он неловко пошевелил губами, пытаясь на лету поймать улетевшую шутку, а затем пробормотал что-то невнятное про срочные отчёты и поспешно зашуршал распечатками.

В этот момент вошёл Эдвард. Не теряя ни секунды, шеф принялся благодарить напарников за то, что они так быстро отыскали мальчика и вернули его семье. Неофициальное расследование, казавшееся безнадёжным, закрылось успехом.

Затем начальник задержал взгляд на Бэт и с лёгкой улыбкой заметил:

— Знаешь, а тебе очень идёт этот наряд в стиле пятидесятых. В нём ты выглядишь... неожиданно элегантно. Прямо как героиня старого фильма.

Бэт закатила глаза, словно слышала глупость века, и недовольно буркнула, яростно потрясая зажатым в кулаке каштановым париком:

— Если ещё хоть кто-нибудь скажет мне сегодня про элегантность, то я этот парик ему на уши натяну!

Дэвид едва сдержал смешок и отвернулся, сделав вид, что чрезвычайно увлечён изучением шнурков на своих ботинках. Эдвард, впрочем, ничуть не обиделся — лишь примирительно поднял ладони:

— Ладно-ладно, молчу. Просто образ у тебя... запоминающийся.

Бэт подхватила сумку со стола, бросила короткое «До завтра» и направилась к выходу. Ей хотелось только одного — поскорее добраться до дома, смыть этот «ретролоск» и снова стать собой, в привычных джинсах и свободной футболке. А кожа головы после душного капрона чесалась так, будто в ней поселилась колония лесных муравьёв.

Уже у самого порога она резко обернулась и строго пригрозила пальцем Кевину, который всё ещё косился на неё из-за монитора:

— И даже не думай. Ни слова! Иначе я расскажу всему нашему подразделению, как ты в прошлом месяце перепутал корзины и...

Она многозначительно прикусила губу, не став заканчивать фразу. Этого хватило с избытком: Кевин тут же усердно защёлкал мышкой, демонстрируя максимальную вовлечённость в работу. Дэвид негромко хмыкнул, а Эдвард тяжело вздохнул, пряча улыбку в ладонях, — с такой командой скука им точно не грозила.

Бэт отправилась на парковку и, прыгнув в свой внедорожник, поехала домой. Доехав, напрямик направилась в душ. Она стояла под горячими струями, наслаждаясь моментом, как вдруг дверца душевой кабины распахнулась — к ней присоединился приехавший с работы Адам. Он обнял её со спины, а она расплылась в улыбке:

— Привет, милый! Как прошёл день?

Он покрывал её шею поцелуями и, не отрываясь, ответил:

— Хорошо. А как твой?

Она повернулась к нему, притягивая его лицо для поцелуя:

— Теперь гораздо лучше...

— Этот мир ещё жив только благодаря тебе, — прошептал он.

Бэт тихо улыбнулась. После всего, что она видела каждый день — Разломы, твари, чужую кровь на своих руках — простое «мир жив благодаря тебе» звучало как лучшая награда, кото-

рую ей никогда не выпишут на работе. Она подумала, что Адам просто умеет сказать нужные слова в нужный момент, и прижалась к нему теснее.

А в лесу Грин-Валли, на той самой поляне, где агенты днём нашли Джо, ближе к полуночи среди деревьев внезапно появилась загадочная высокая фигура, скрытая под складками чёрного плаща. Незнакомец вышел на середину опушки и резко взмахнул рукой — в воздухе распахнулся Разлом.

За трещиной открылось родное измерение триидов — невероятно живое, тёплое и прекрасное. Сквозь пространственный проход хлынуло сияние нежно-бирюзового неба, а в воздухе закружились облака, светящиеся от пылицы. Там, среди гигантских неоновых грибов и шёлковых трав, не существовало страха и холода — всё вокруг дышало первозданным уютом и искрящейся радостью.

Заметив родной дом, малыши восторженно запищали. Они гурьбой бросились к Разлому и один за другим прыгнули вглубь сияния, возвращаясь на весёлые, залитые светом луга.

Загадочный проводник дождался, пока уйдёт последнее создание, а затем взмахнул рукой ещё раз — и трещина бесследно затянулась, оставив после себя лишь тихий шелест ночной листвы.

Разлом в Асуане

Прошёл целый месяц, довольно скучный и ровный, без грандиозных прорывов и судьбоносных находок. Не было ни таинственных посылок с непонятными символами, ни странных звонков с обрывками фраз, ни даже подозрительных теней в переулках, манящих свернуть с натоптанного маршрута. Дни тянулись размеренно: мегаполис словно увяз в невидимой сонной пыли, и даже вечно мигающий неон на фасаде соседнего здания наконец совсем погас, смирившись с серой рутинной.

Но сегодня тишина рассыпалась. Едва Бэт переступила порог отдела, её мгновенно накрыла знакомая волна рабочего хаоса. В помещении царило оживление резко взболтанного улья. Сотрудники метались из угла в угол, но в этой суматохе угадывался строгий порядок — тот самый, что рождается в минуты, когда ставки становятся слишком высоки, чтобы позволить себе мимолётную слабость.

В штабе развернулось контролируемое безумие: оперативники с таким остервенением молотили по клавишам, будто пытались запугать технику и силой выбить из мониторов скрытую правду. Джозеф стремительно лавировал между столами, прижимая к груди толстые папки с документами как щит от глупых вопросов. Поодаль кто-то испуганно шептал в телефонную трубку, озираясь по сторонам так, будто выдавал как минимум государственную тайну, а как максимум — рецепт маффинов Кевина.

А в угловой комнате их немногочисленной группы царила совершенно иная атмосфера. Дэвид сидел на диване в зоне отдыха, медленно попивая утренний напиток и пытаясь поймать в чашке каплю предрассветной безмятежности. Вскоре к нему присоединилась Бэт. Она подошла к кофемашине, вдохнула манящий аромат и печально простонала, поняв, что всё закончилось, а напарник допивает последнее.

— Бери мой. Я всего один глоток сделал.

Бэт задумалась, а потом с радостью согласилась разделить чашку на двоих, чтобы всё было по-честному. Устроившись рядом, они сидели на диване и мило болтали, передавая её друг другу, пока с противоположного конца кабинета за ними пристально наблюдали коллеги.

— Знаешь, Кевин, мы работаем вместе с Бэт уже пять лет. Но я впервые вижу её настолько спокойной и счастливой, — тихо произнёс Джозеф, не отрывая взгляда от пары на диване.

— Да уж. Чтобы она пила с кем-то из одной посуды? Это вообще на неё не похоже. Парень явно нашёл к ней подход. Да я даже буду рад, если у них что-то получится. А то этот её Адам пристал как банный лист и пользуется как хочет. Почему она это терпит, я вообще не понимаю.

Джозеф поддержал мысль молодого коллеги, поглядывая из-под очков на устроившуюся в углу пару. В воздухе зоны отдыха ещё разливалось это тепло, и Бэт, казалось, впервые за долгие месяцы позволила себе просто сидеть и никуда не спешить. Она засмеялась — негромко, по-домашнему, — и Джозеф поймал себя на мысли, что не помнит, когда последний раз слышал этот смех.

А потом по всему бункеру ударил резкий сигнал датчиков.

Голос из динамика оперативного дежурного хлестнул сухо и отрывисто, перекрывая вой сирены:

— Новый Разлом. Асуан, Египет. Группа Моус — вылет немедленно.

Бэт и Дэвид разом вскочили с дивана. Кевин опрокинул недопитый кофе — даже не заметил.

В отделе уже царила не суматоха, а отточенная спешка — та, что рождается из изнурительных тренировок. У каждого оперативника под рукой стояла наготове укомплектованная сумка — стандартный минимум для первых суток работы: от тактической экипировки до

приборов, способных зафиксировать то, что скрыто от обычного человеческого восприятия. Никаких сантиментов — только то, что поможет выжить на чужой и опасной территории.

Команда молча подхватила тяжёлые вещи и двинулась на парковку к машинам, чтобы ехать в аэропорт. Коридоры бункера мелькали перед ними, сливаясь в один длинный серый тоннель.

На финальном контрольно-пропускном пункте дежурный лишь понимающе кивнул: он знал, что любые расспросы сейчас излишни. В аэропорту на взлётной полосе их уже ждал правительственный спецборт — строгий и лаконичный, созданный исключительно для скорости. Посадочный мостик был готов, а турбины тихо свистели, способные в любое мгновение сорваться в оглушительный рёв. Один за другим агенты поднялись на борт. Тяжёлая герметичная дверь закрылась с глухим щелчком, отрезая их от привычного мира. Самолёт плавно вырулил на рулётную дорожку и резко рванул вперёд, с грохотом разрывая тишину утреннего неба.

За иллюминаторами таял знакомый пейзаж, сменяясь бескрайней небесной синевой. Впереди команду ждал Асуан — древний торговый город на берегах Нила, где среди опалённых солнцем камней и обжигающих пустынных ветров притаилась новая угроза.

Спустя двенадцать часов полёта и после короткой дозаправки в Каире шасси коснулись раскалённой посадочной полосы. Команда выбралась наружу, вдыхая горячий и сухой воздух, пропитанный пылью веков. Тяжёлая усталость давила на плечи, но никто не позволил себе даже краткой паузы — не сейчас, когда впереди ждало нечто, способное в одно мгновение сокрушить привычные границы реальности.

Место аномалии они нашли быстро: Разлом сам заявлял о себе, пугающе искажая пространство. В отличие от прежних разрывов — тонких светящихся нитей, с которыми они сталкивались ранее, — этот зиял огромным чёрным провалом. Он походил на зловещую тёмную пещеру, засасывающую в себя дневное сияние и любой шум. Казалось, сама ночная тьма сосредоточилась в этом пространстве, и из её глубины доносился едва уловимый шёпот.

Вокруг аномальной зоны, помимо египетских силовиков, развернулись мобильные штабы Бюро из других регионов. Представители европейских и азиатских департаментов организации спешно разгружали аппаратуру, координируя действия с прибывшими группами. Местные военные стояли плотным кольцом, сжимая в руках оружие. Их внимание было приковано к провалу, а на лицах читалась настороженность, смешанная с испугом. Они прекрасно понимали, что столкнулись с масштабным явлением, которое не подчиняется армейским приказам.

В мобильном штабе, развёрнутом у оцепления, сразу вспыхнули споры. Представители всех департаментов устроили экстренное совещание: они сверяли показания и до хрипоты дискутировали о методах ликвидации угрозы. Когда разногласия были улажены, участники, строго следуя протоколу, приняли решение оценить масштабы угрозы изнутри. Большинство голосов эту миссию поручили Бэт и Дэвиду — они и сами горели желанием пройти сквозь пространственную аномалию и осмотреть неизведанный мир.

Молодые люди надели экипировку. Джозеф быстро настроил на ней портативные передатчики, а Кевин приготовил экстренные медицинские пакеты. Напарники переглянулись, проверили системы жизнеобеспечения, встали у самой кромки Разлома плечом к плечу и начали отсчёт перед тем, как шагнуть в эту неизведанную тьму.

— Три.

— Два.

— Один.

И они шагнули вперёд — прямо в бездонный чёрный провал. На одну безмолвную секунду всё вокруг исчезло, растворившись в глухой тишине и невесомости. А потом...

...воздух снова обрёл осязаемую плотность. Агенты обнаружили, что стоят на твёрдой каменистой поверхности. Вокруг них царила странная, почти уютная мгла — не пугающая, а скорее надёжно укрывающая их от любого внешнего наблюдения.

Дэвид щёлкнул тумблером фонаря, и мощный луч выхватил из темноты шершавую стену, сплошь покрытую странной символикой. Пиктограммы не пульсировали и не светились зловещим огнём — они скорее напоминали древние руны, глубоко выветренные неумолимым временем. Казалось, что кто-то невообразимо давно отчаянно пытался высечь в камне своё последнее послание, заведомо зная, что его вряд ли кто-то прочтёт.

Бэт подняла сканер, активируя систему фильтрации в шлеме. Экран прибора мигнул, отобразив ровные, спокойные цифры энергетического фона. Состав атмосферы оказался на редкость схож с земным: датчики даже зафиксировали кислород, но он был слишком грязным, с примесью едких микрочастиц, и практически непригодным для полноценного дыхания. Бэт мысленно отметила, что пара минут без защитных фильтров в этом странном мире — и лёгкие начнут гореть. Она поделилась наблюдениями с Дэвидом, а затем прошептала, скорее с привычной осторожностью, чем со страхом:

— Но почему здесь... так тихо? Как будто всё самое страшное уже давным-давно закончилось.

— Или ещё даже не думало начинать... — отозвался Дэвид.

Он медленно вёл световым пятном по высеченным знакам. Тени от фонаря ложились на камень странно, словно скользили по поверхности, совершенно не подчиняясь законам физики. Из темноты впереди донёсся не скрежет когтей и не яростный рык, а едва уловимый звук.

— Есть здесь кто-нибудь? — негромко позвал Дэвид.

Тьма ответила ему не угрозой, а лишь лёгким эхом его собственного голоса. Пространство мягко повторило фразу, словно само не знало верного ответа. Бэт почувствовала, как напряжение постепенно уходит, уступая место совершенно иному, острому чувству — предвкушению важного открытия.

— Похоже, нас не ждали. Ну или ждали, но совсем не так, как мы себе представляли. Проверим? — Бэт обернулась к напарнику.

— Проверим. Но только давай держаться ближе друг к другу.

И они двинулись вперёд — не в бой, а навстречу древней тайне, которую стоило разгадывать не силой, а терпением. Какое-то время напарники продвигались в безмолвии, уже почти смирившись с тем, что это чужеродное пространство встретит их лишь глухой пустотой. Но чем дальше они уходили от точки входа, тем причудливее ложились тени.

Бэт шагала первой, удерживая прибор на уровне груди. Синий экран сканера внезапно моргнул, и модуль начал тревожно пощёлкивать, выдавая хаотично скачущие цифры аномальной активности. Дэвид следовал строго за ней, контролируя периметр. Напарник привык доверять не датчикам, а собственному чутью, и сейчас его интуиция настойчиво твердила, что они в этой пещере не одни.

Буквально минуту спустя изнанка Разлома наглядно подтвердила его опасения: прямо по курсу сквозь мрак пробился тусклый жёлтый отсвет, дрожащий как угасающий огонёк старой керосиновой лампы. Напарники переглянулись и осторожно приблизились к источнику. То, что лежало на каменистой земле, выглядело настолько чуждо, что даже у Бэт, повидавшей немало аномалий, сдавило грудь. Погибшее создание напоминало кошмарный гибрид: его голова походила на рыбу, с огромными остекленевшими зрачками; тело было вытянутым, словно под действием гравитации его насильно растягивали в разные стороны; длинные руки с тремя костлявыми пальцами оканчивались крючковатыми когтями, а тонкие нижние конечности казались совершенно не предназначенными для ходьбы. Кожа существа отливала болез-

ненным восковым оттенком. Судя по показаниям приборов, раньше ткани излучали слабое люминесцентное мерцание, но теперь это тепло окончательно угасло.

— Он мёртв.

В ту же секунду Дэвид резко указал рукой в сторону глубокого провала между двумя массивными глыбами: из непроницаемой тени медленно, один за другим, начали выходить ещё несколько таких же созданий. Их движения были странными, дёргаными, будто суставы откачивались слушаться хозяев. Они ступали абсолютно бесшумно, и от этой противоестественной тишины становилось только страшнее.

— Не шевелись.

Бэт переключила сканер в режим анализа жизненных показателей — экран прибора тут же выдал тревожные красные индикаторы. У этих объектов отсутствовал привычный тепловой контур, а их внутренняя энергия пульсировала совершенно иначе, словно пришельцы черпали силы не из метаболизма, а напрямую из окружающего пространства. Казалось, сами стены пещеры служили им единой кровеносной системой.

— Они не просто живые. Они привязаны к этому месту. Этот мир буквально питает их.

Существа неумолимо приближались. Теперь девушка отчётливо видела, что их огромные, лишённые зрачков глазные впадины поглощают свет, делая окружающую мглу ещё гуще. Одно из созданий резко повернуло вытянутую голову, уставившись на девушку.

— Уходим! Быстрее! — крикнула Бэт.

Но было поздно: существа разом замерли, подчиняясь мысленному приказу. Из их раскрытых пастей вырвался вибрирующий гул — странный и зловещий ультразвук, проникающий глубоко под кожу.

Нападения не последовало: пугающие создания просто стояли на месте, продолжая генерировать жуткие колебания. Они словно подстраивались под частоту людей, пытаясь перехватить их мысли, как радиоприёмник ищет нужную волну в эфире.

Воздух дрожал и плавился. Бэт до боли стиснула зубы, отчаянно пытаясь сохранить устойчивость: чужеродный гул целенаправленно искал слабинку в её сознании, нащупывая трещины в самоконтроле. Она посмотрела на напарника и испугалась за него: Дэвид морщился от невыносимого давления, а его пальцы сжимались и разжимались, полностью теряя власть над оружием.

Мгновение спустя характер звука изменился: он стал дробиться и складываться в рваные тона, а затем — в чёткие, осмысленные слова. Но они не звучали в самом пространстве пещеры — леденящие фразы рождались напрямую внутри черепных коробок, насильно вложенные в испуганный разум агентов.

«Вы пришли не туда...» — прозвучало в голове Бэт, и от этого чужеродного импульса всё внутри мгновенно превратилось в лёд.

Мысленный посыл не походил на человеческую речь: в нём не угадывалось ни мужских, ни женских интонаций. Скорее это был скрежет множества голосов, слитых в единый поток, словно тысячи камней скреблись друг о друга в вечной темноте.

«Этот мир не отдаёт своих...»

— Ты тоже это слышишь? Или я окончательно схожу с ума? — Бэт с трудом ворочала языком.

«Вы нарушили границу. Вы — посторонние. А гости здесь долго не задерживаются...»

Одно из существ медленно наклонило безволосую голову, огромные беззрачковые впадины уставились прямо на Бэт, сканируя её суть и проникая глубже любых датчиков Кевина. В этом контакте не чувствовалось ярости, лишь только безразличное любопытство. От такой пустоты становилось в разы страшнее. В поведении существа не было ненависти, была лишь констатация факта: она здесь лишняя, случайный мусор на стыке измерений.

Ни Бэт, ни Дэвид не могли пошевелиться, ноги словно приросли к каменистой почве, а окружающая реальность сделалась тяжёлой — казалось, что само пространство сопротивлялось их попыткам уйти. Разлом удерживал оперативников, на корню блокируя любую попытку сделать хотя бы движение назад, к спасительному выходу.

— Мы не несём угрозы. Это разведывательная миссия. Мы просто хотим понять, что здесь происходит, — голос Бэт звучал ровно, несмотря на то что каждая клетка тела кричала об опасности.

«Те, что проникали сюда до вас, тоже утверждали, что пришли с миром».

Бэт сильнее сомкнула челюсти, чувствуя, как под спецкостюмом ползёт липкий пот, а едкие микрочастицы чужой среды заставляют фильтры шлема натужно гудеть. Она скосила взгляд на Дэвида — напарник застыл каменным изваянием, его внимание было приковано к пришельцам. Парень отчаянно пытался отыскать в этих пустых орбитах глаз хотя бы мизерный шанс на взаимопонимание, но его лицо оставалось бледной маской.

«Но посмотрите, что они натворили».

Продолжал грохотать хор чужих голосов в их головах, мысленный поток давил на сознание, как падающие в пропасть валуны.

«Наш сородич мёртв. А наша экосистема отравлена Разломом. Изъязн разъедает это измерение, словно едкая кислота».

— Кто они? Те, кто проникал сюда раньше? Назовите их! — Бэт стиснула кулаки.

«Их было двое. Они походили на вас».

Леденящий скрежет сотен голосов внутри разума стал почти невыносимым.

«Но по телу одного из них разливались светящиеся голубые полосы. Именно он пробил брешь в границе. Он знал, как ходить сквозь миры».

Дэвид резко вдохнул, словно этот ответ нанёс ему физический удар.

Бэт медленно повернула к нему голову, внимательно всматриваясь в его лицо. Светящиеся голубые полосы... Точно такие же, как у убийцы её матери. Она заметила, как побледнел Дэвид, как дрогнул его взгляд — и на секунду что-то холодное шевельнулось в ней, безымянный вопрос, который она не успела даже сформулировать. Но мысль тут же ушла, утонув в усталости и грохоте чужих голосов: он просто устал. Они оба были на пределе. Сейчас не до этого.

Бэт подавила вспыхнувшую злость — личные счёты могли стоять им обоим жизни. Затем девушка сделала осторожный шаг вперёд по камням. Она двигалась плавно, стараясь не провоцировать обитателей этого измерения, но наглядно демонстрируя, что не отступит:

— Мы не такие, как те чужаки. Мы не собираемся уничтожить вашу реальность. Мы хотим помочь.

Существо медленно склонило голову, будто обдумывало каждую фразу. В его бездонных глазах была только бесконечная печаль и усталость, словно оно было слишком старым, чтобы ненавидеть. И вдруг в разуме напарников раздался одиночный шёпот. Прежний мысленный хор смолк, и на его месте возник один-единственный голос:

«Помочь... Разве можно помочь тому, что уже мертво?»

Бэт застыла. Чужие слова буквально парализовали её, потому что она сама почувствовала ту боль, с которой говорило существо. Это подлинное, глубокое страдание пробрало её до костей, как леденящий сквозняк, сумевший проникнуть даже под плотную обшивку комбинезона.

А жителям этого умирающего мира и не нужен был её ответ — они синхронно развернулись, подняли мертвого соплеменника и направились в обход глыб, двигаясь слаженно, словно единый организм. Их силуэты совсем утратили пугающую резкость, теперь в них была лишь обречённость, будто они сами были неотделимой частью увядающего мира.

«Уходите...»

Наступившая вслед за этим тишина была не просто отсутствием звуков — она давила на плечи, казалось, что сама израненная реальность замерла, прислушиваясь к их следующему шагу. Дэвид первым преодолел ступор, он шагнул к напарнице, перехватил её за руку и сжал ладонь:

— Бэт, нам действительно пора. Прямо сейчас. Пока ещё остаётся шанс отыскать путь к выходу.

Девушка кивнула, но её внимание всё ещё было приковано к точке, где растаяли силуэты хозяев аномалии: в груди разливалось горькое осознание того, что они случайно наткнулись на чужую боль, на трагедию космического масштаба. И агенты из чужого мира здесь были лишними, обычными чужаками, которые своим присутствием лишь глубже расковыривали открытые раны этого измерения.

Она опустила голову, изучая показания на запястье — синий экран сканера Кевина погас, ослеплённый аномальной частотой, и больше не выдавал данных. Но рядом, прямо на каменистой почве, едва заметно замерцала тонкая полоса, словно отступающие создания оставили после себя след.

— Смотри на эти следы. Если мы двинемся строго вдоль них, то, возможно, они выведут нас обратно к нашей точке входа, — Бэт указала рукой.

— Тогда двигаемся. Держимся рядом. И не оглядываемся.

Они побежали вперёд, стараясь ступать как можно осторожнее, опасаясь, что любой неосторожный звук под подошвой способен вновь пробудить давящее безмолвие. С каждым шагом окружающая мгла словно пыталась вцепиться в их плечи, замедлить, заставить замереть навечно, но напарники упрямо продирались сквозь темноту. Остановиться сейчас означало сдаться, а Бэт и Дэвид сдаваться не умели.

— Это он. Наш Разлом. Он всё ещё открыт, — Дэвид указал на серебряное сияние впереди.

— Значит, путь к выходу свободен. Но пока мы не пересечём границу и не окажемся в Асуане, даже не думай считать, что мы в безопасности.

Напарники ускорили шаг, фиксируя внимание на серебряном сиянии. Оно становилось всё ярче, обещая вырвать их из чужого мира и вернуть в привычную реальность. И когда до заветного рубежа оставалось всего несколько метров, Бэт обернулась, чтобы направить прощальный взгляд в глубину угасающего пространства. В этой тьме ей почудилось едва заметное шевеление, показалось, что по монолитной стене скользнула серая тень. Но Бэт не стала всматриваться, а только выдохнула, мысленно сбрасывая горький привкус чужой трагедии, и сделала решительный шаг за черту, в вихрь слепящего света и пронзительного холода. Знакомый яростный гул Разлома на миг оглушил их, притупляя все остальные чувства. А когда потусторонняя мгла наконец расступилась и перед ними снова предстал собственный мир — с привычным свистом пустынного ветра, удушливым запахом вековой пыли и резким светом военных прожекторов, Бэт и Дэвид без сил рухнули на иссохшую землю. Они тяжело хватали горячий воздух, будто только что вынырнули из ледяной воды.

— Вы целы?! — Джозеф первым подбежал к ним.

— Мы вернулись, Джо. Но... мы принесли из этой бездны жуткую историю. Кто-то уже проникал туда до нас. Двое. Судя по всему, один из них безупречно умеет открывать двери между измерениями. И с ним был неизвестный сообщник.

Ещё несколько часов они совместно с представителями других стран работали у кромки аномалии. Оперативники делали детальные фотографии, снимали показания приборов и составляли подробные полевые рапорты. Джозеф методично фиксировал каждый энергетический параметр, будто надеялся, что сухие графики помогут укротить хаос в его собственной голове; Кевин снова и снова прогонял полученные массивы данных через алгоритмы, надеясь уловить хоть какой-то намёк на логику в безумии этого Разлома. А Бэт и Дэвид общались с

представителями других стран, отвечая на их многочисленные вопросы о том, что было с той стороны Разлома.

О случившемся команда узнала только утром — они направились к месту, где ещё вчера пульсировала опасная граница. Но теперь там не осталось ни следа от разрыва, ни малейшего намека на то, что когда-то здесь открывался проход в иное измерение. Высокотехнологичные датчики мёртво молчали, не фиксируя ни единого колебания в энергетическом фоне пустыни. Джозеф перепроверил калибровку системы трижды, потом запустил повторное сканирование и каждый раз получал один и тот же результат — ноль. Абсолютная пустота.

Бэт стояла посреди этого обманчиво спокойного плато, внутри неё разрасталась ярость. Не выдержав, она резко сорвалась на крик, будто пыталась силой пробить тишину пустыни:

— Это точно был он! Тот, со светящимися голубыми линиями на теле! Тот, кто убил мою маму! Я уверена!

Её слова прозвучали как натянутая до предела струна, готовая вот-вот лопнуть с кровавым треском. Бэт сжала кулаки до побелевших костяшек и обратилась к пустоте, где ещё вчера зияла бездна:

— Это он открывает эти чёртовы проходы! Это он разрушил мою жизнь и продолжает ломать другие! Зачем он всё это делает? Для чего?!

Речь оборвалась на хрипе. Девушку охватило такое неистовство, какого с ней никогда прежде не случалось. Конечно, она умела злиться, но в этот момент казалось, что она готова физически разнести всё вокруг, каждую песчинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.